

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Туннель в небе
Есть скафандр —
готов путешествовать

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**Туннель в небе. Есть
скафандр – готов
путешествовать (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1955, 1958

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хайнлайн Р. Э.

Туннель в небе. Есть скафандр – готов путешествовать
(сборник) / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус»,
1955, 1958 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-13652-6

Два романа гранд-мастера научной фантастики, вошедшие в этот том, объединяет молодость их героев. Ведь когда человек молод, нет неодолимых вершин и даже путешествие на Луну – мечта не из раздела несбыточных, главное, чтобы был скафандр, а случайная летающая тарелка всегда вовремя приземлится рядом. Да что Луна – бери выше – звезды! Стать участником звездной робинзонады, чтобы выжить на опасной планете, – только молодость способна на такое решиться.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-13652-6

© Хайнлайн Р. Э., 1955, 1958
© Азбука-Аттикус, 1955, 1958

Содержание

Туннель в небе	6
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	46
Глава 5	51
Глава 6	56
Глава 7	63
Глава 8	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Роберт Хайнлайн

Туннель в небе; Есть скафандр – готов путешествовать

Robert Heinlein
TUNNEL IN THE SKY

Copyright © 1955 by Robert A. Heinlein
HAVE SPACE SUIT – WILL TRAVEL
Copyright © 1958 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского Александра Корженевского («Туннель в небе»), Елены Беляевой, Александра Митюшкина («Есть скафандр – готов путешествовать»)

Серийное оформление и оформление обложки С. Шикина
Иллюстрация на обложке В. Еклериса

© Е. Беляева, А. Митюшкин, перевод, 2017

© А. Корженевский, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Туннель в небе

Джинни и Бибс

Глава 1 Марширующие орды

На доске объявлений у аудитории 1712-А средней школы имени Патрика Генри мигал красный сигнал. Род Уокер попытался протиснуться через толпу учащихся, чтобы взглянуть, что там за объявление, но ему тут же двинули локтем в живот и посоветовали не толкаться.

– Извини, Джимми, я не нарочно. – Род зажал локоть в борцовском захвате, но давить не стал и, вытягивая шею над головой Джимми Трокстона, спросил: – Что там такое?

– Сегодня занятий не будет.

– Почему?

Ответил ему кто-то из стоящих у самой доски:

– А потому, что завтра начнется Ave, Caesar, morituri te salutant!¹

– Серьезно? – Род почувствовал, что внутри у него все сжимается в тугий узел, как это обычно бывает перед экзаменами. Затем кто-то отодвинулся в сторону, и он наконец прочел объявление:

*СРЕДНЯЯ ШКОЛА имени ПАТРИКА ГЕНРИ
Отделение общественных наук
ВНИМАНИЮ всех слушателей курса 410 (факультативный семинар
для учащихся старших классов)*

«Выживание: дополнительные сведения».

Инстр. – доктор Мэтсон. 1712-А.

1. В пятницу, 14-го числа занятия отменяются.

2. Настоящим объявляется двадцатичетырехчасовая готовность к финальному экзамену по одиночному выживанию. Слушатели курса должны явиться на медицинское освидетельствование в 9:00 в амбулаторию при терминале «Темплтон» и в 10:00 с трехминутным интервалом начнут проходить ворота в порядке, устанавливаемом жребием.

3. УСЛОВИЯ ИСПЫТАНИЙ:

а) любая планета, любой климат, любой рельеф местности;

б) никаких правил, оружие любое, снаряжение любое;

в) разрешается объединяться в группы, но члены групп будут проходить ворота по отдельности;

г) продолжительность экзамена – не менее сорока восьми часов и не более десяти суток;

4. Доктор Мэтсон консультирует в пятницу до 17:00.

5. Испытание может быть перенесено только по рекомендации врача, однако любой из учащихся имеет право отказаться от участия без всяких административных последствий до 10:00 субботы.

6. Удачи и долгих лет жизни вам всем!

¹ Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя! (лат.)

Подп. – Б. П. Мэтсон, д. н. Согласовано: Дж. Р. Рорих, член совета директоров

Пытаясь унять волнение, Род Уокер медленно перечитал объявление. Еще раз прочел условия. Впрочем, какие тут условия? Это, скорее, «вообще никаких условий», полное отсутствие каких-либо ограничений! Тебя могут швырнуть через ворота, а в следующее мгновение ты нос к носу столкнешься с белым медведем при температуре минус сорок или сцепишься в теплой соленой воде с осьминогом.

Или же, подумал он, окажешься перед каким-нибудь трехголовым чудовищем, причем на планете, о которой никогда раньше не слышал.

Чей-то дискант в стороне пожаловался:

– Двадцатичетырехчасовая готовность! Да уже меньше двадцати часов осталось. Это просто нечестно!

– Какая разница? – откликнулась вторая девушка. – Лучше бы они начинали прямо сейчас. Я все равно сегодня не засну.

– Но если нам полагается двадцать четыре часа на подготовку, должно быть двадцать четыре часа. Чтобы все было справедливо.

Еще одна участница будущих испытаний, высокая девушка-зулуска, мягко усмехнулась:

– А ты пойдی скажи об этом Мастеру.

Род выбрался из толпы и вытянул за собой Джимми Трокстона. Похоже, он и так знал, что «Мастер» Мэтсон может ответить на подобные претензии. Справедливость, мол, не имеет к выживанию никакого отношения. Однако пункт пятый заставил на какое-то время задуматься: никто его не упрекнет, если он решит бросить этот курс. В конце концов, «Выживание: дополнительные сведения» – курс институтский; школьный аттестат выдадут и без него.

Но он знал: если струсит сейчас, то уже никогда не наберется смелости на второй заход.

– И как тебе все это нравится, Род? – нервно спросил Джимми.

– Я полагаю, ничего страшного. Узнать бы только, стоит ли надевать подштанники с начесом. Как думаешь, может, Мастер намекнет?

– Жди! У него с юмором туговато. И вообще, такой тип родную бабушку съест – не поморщится, причем без соли.

– Ну, это ты загнул. Без соли он есть не станет... Послушай, Джим... Ты видел, что там написано насчет групп?

– Да... А что? – Взгляд Джимми ушел в сторону.

Род почувствовал мимолетный всплеск раздражения. Ведь он пытался сделать предложение, ничуть не менее ответственное, чем, скажем, когда предлагаешь девушке руку и сердце. Он предлагал ему объединиться и бороться за жизнь вместе. Самая большая опасность одиночного испытания заключается в том, что его участник, хочет он того или нет, а должен хоть иногда спать. С напарником же можно поделить вахты и дежурить по очереди.

Джимми прекрасно знал, что Род подготовлен лучше – как с оружием, так и без. Предложение было явно в его пользу. И все же он колебался, словно думал, что без Рода ему будет легче.

– В чем дело, Джим? – спросил Род настороженно. – Ты полагаешь, в одиночку будет безопасней?

– Нет, не в этом дело...

– Хочешь сказать, что лучше договоришься с кем-то еще?

– Нет, что ты! Я совсем не это имел в виду.

– А тогда что?

– Я хочу сказать... Слушай, Род, я тебе в самом деле очень благодарен и никогда этого не забуду. Но в объявлении было и еще кое-что...

– Что именно?

– Там сказано, что можно бросить этот курс и все равно окончить школу. А я как раз вспомнил, что для торговли одеждой он совсем не нужен.

– Как это? Ведь ты собирался стать юристом широкого профиля.

– Выходит, внеземная область юриспруденции потеряет свою ярчайшую звезду... И бог с ней. Мой старик будет очень рад, когда узнает, что я решил продолжить семейное дело.

– Короче, ты испугался.

– Можно и так сказать. А ты?

Род сделал глубокий вдох:

– Я тоже боюсь.

– Блеск! Давай вместе продемонстрируем классический пример выживания – стройными рядами пройдем в секретариат и отважно подпишем отказные листы.

– Мм... нет. Но ты иди.

– Будешь сдавать?

– Видимо.

– Послушай, Род, а ты видел статистику по выпуску прошлого года?

– Нет. И не хочу ничего видеть. Пока.

Род резко повернулся и двинулся к двери аудитории. Джимми остался на месте, провояая его встревоженным взглядом.

В аудитории разместилось более десятка слушателей курса. Доктор Мэтсон по прозвищу Мастер сидел на краешке стула, подогнув под себя ногу, и вещал в довольно легкомысленной манере. Роста он был небольшого, жилистый, с худым лицом. Один глаз закрывала черная повязка, а на левой руке не хватало трех пальцев. На груди инструктора поблескивали миниатюрные орденские планки за участие в трех очень известных первых экспедициях; одну из планок украшало крошечное бриллиантовое созвездие, означавшее, что он – единственный, кто остался после этой экспедиции в живых.

Род проскользнул во второй ряд. Мастер повел глазом в его сторону, но не стал прерываться.

– ... Не понимаю, на что вы жалуетесь, – добродушно говорил он. – В условиях сказано «любое оружие», так что вы можете брать для защиты что угодно – от рогатки до кобальтовой бомбы. Я лично считаю, что финальную проверку нужно проводить с голыми руками. Чтобы даже пилки для ногтей не было. Но совет по образованию не согласен, и поэтому экзамен будет проходить в таких вот тепличных условиях.

– Э-э-э... Доктор, значит, совет знает, что мы столкнемся с опасными животными?

– А? Обязательно столкнетесь с самым опасным животным на свете.

– Если это не просто фигура речи...

– Разумеется, нет!

– Тогда нас или посылают на Митру, где водятся снежные обезьяны, или выбросят где-нибудь здесь, на Земле, где мы столкнемся с леопардами. Я прав?

Мастер разочарованно покачал головой:

– Мальчик мой, я думаю, тебе лучше отказаться от экзамена и пройти курс заново. Эти тупые твари совсем не опасны.

– Но у Джаспера в «Хищниках и жертвах» сказано, что два наиболее коварных и опасных вида...

– Черт с ним, с Джаспером! Я же говорю о настоящем царе зверей, о единственном животном, которое опасно всегда, даже когда не голодно. О двуногих хищниках! Посмотрите вокруг! – Инструктор наклонился вперед и продолжил: – Я вам сто раз повторял, но вы все

равно никак не усвоите. Человек – это единственное животное, которое нельзя приручить. Когда его это устраивает, он годами может вести себя тихо, как корова. А когда не устраивает, даже леопард по сравнению с ним выглядит котенком. Это вдвойне касается женских особей. Посмотрите вокруг еще раз. Тут все друзья. Мы вместе проходили проверки на групповое выживание и, казалось бы, можем друг на друга положиться. Так? Но почитайте об экспедиции Доннера или о Первой венерианской! Кроме того, на вашей территории будет еще несколько групп, люди, которых вы совершенно не знаете. – Доктор Мэтсон впери́л в Рода свой единственный глаз. – Мне, право, жаль, что некоторые из вас решились на этот экзамен, честное слово. Есть люди – по природе своей городские жители. Боюсь, мне так и не удалось вдолбить вам, что там, куда вы собираетесь, нет полисменов. И меня тоже не будет рядом, если вы совершите какую-нибудь глупую ошибку.

Взгляд инструктора ушел в сторону, и Род задумался, не его ли тот имел в виду. Иногда ему казалось, что Мастер просто наслаждался, устраивая ему тяжелую жизнь. Однако он знал, что этот курс обязателен для всех, кто собирается работать во Внеземелье, ибо во Внеземелье полно таких мест, где ты или сообразителен, или мертв. Род решил пройти курс еще до колледжа – в надежде, что это поможет ему получить стипендию, – но он прекрасно понимал, что это не пустая формальность.

Оглядываясь вокруг, Род задумался: теперь, когда Джимми выбыл, ему надо сговориться с кем-то еще. Впереди сидели рядом Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. Их он отмел сразу: эти наверняка отправятся вдвоем. Они собирались стать врачами-миссионерами и планировали пожениться, как только смогут.

Может быть, Иоганн Браун? Из него получился бы отличный напарник: силен, быстр и сообразителен. Однако Род не доверял ему и, кроме того, просто не был уверен, что тот захочет отправиться с ним вместе. Похоже, он совершил ошибку, не подружившись ни с кем, кроме Джимми.

Эта зулусская девушка, Каролина, с совершенно непроизносимой фамилией... Сильна как бык и абсолютно бесстрашна. Но брать в напарники девушек... Они слишком часто принимают строгие деловые отношения за романтические гамбиты. Взгляд Рода двигался по рядам, но в конце концов он был вынужден признать, что в аудитории нет никого, кому он хотел бы предложить стать его напарником.

– Проф, может, вы хоть намекнете? Брать с собой крем от загара? А может – мазь *против обморожений*?

Мэтсон усмехнулся:

– Сынок, я рассказал вам все, что знаю. Место для проведения экзамена выбрано преподавателем из Европы, а я выбирал место для его класса. Но где это, я знаю не больше вашего. Так что можете прислать мне оттуда открытку.

– Но... – Задавший вопрос парень вдруг замолк, потом резко встал. – Проф, это несправедливая проверка. Я выбываю.

– Мы, конечно, думали о справедливости в последнюю очередь, но я не понимаю, почему все-таки испытания кажутся вам несправедливыми.

– Нас могут забросить куда угодно...

– Верно.

– ...на обратную сторону Луны, в вакуум. Или на планету с хлорной атмосферой. Или куда-нибудь посреди океана. Я даже не знаю, что с собой брать – скафандр или каноэ. Так что черт с ним, с этим экзаменом. В реальной жизни так не бывает.

– Не бывает, значит? – вкрадчиво переспросил Мэтсон. – То же самое сказал Иона, когда его проглотил кит. Однако я могу дать вам кое-какие наводки. Испытания, по нашему мнению, может выдержать любой, у кого хватит сообразительности и сноровки. То есть мы не выбросим вас в ядовитую атмосферу или в вакуум без дыхательных аппаратов, а если вы

окажетесь в воде, то берег будет близко. В таком вот духе. Я не знаю, куда именно вас отправят, но я видел список экзаменационных территорий для выпускников этого года. Любой достаточно сообразительный человек может там выжить. Ты должен понимать, сынок, что Совет по образованию отнюдь не стремится прикончить всех претендентов на ключевые профессии.

Парень сел так же резко, как вскочил.

– Уже передумал? – спросил инструктор.

– Э-э-э... Да, сэр. Если испытания справедливые, я участвую.

Мэтсон покачал головой:

– Ты уже провалил экзамен. Свободен. В канцелярию можешь не заходить: я им сообщу.

Парень начал было протестовать, но Мэтсон только мотнул головой в сторону двери и коротко произнес:

– Вон.

В аудитории повисло неуютное молчание, и лишь когда за неудачником закрылась дверь, Мэтсон оживленно продолжил:

– Это курс прикладной философии, и здесь я решаю, кто готов к экзамену, а кто нет. Каждый, чье представление о мире складывается из понятий о том, каков он *должен* бы быть, а не каков он есть на самом деле, просто не готов к последнему экзамену. Научитесь расслабляться и проще относиться к ударам судьбы. Совсем ни к чему трепать себе нервы и тратить адреналин при каждом ее фортеле. Еще вопросы будут?

Вопросы были, но вскоре стало понятно, что Мэтсон или в самом деле не знает, где именно будут проходить испытания, или твердо хранит эту информацию в тайне. Он также отказался давать советы по выбору оружия, сказав просто, что школьный оружейник будет готов выдать у ворот любое стандартное оружие, а все «нестандартное» – на усмотрение испытуемых.

– Помните, однако, что самое лучшее оружие у вас между ушей, под скальпом. Разумеется, если оно заряжено.

Группа начала расходиться. Род тоже встал, собираясь идти. Мэтсон поймал его взгляд и сказал:

– Уокер, вы собираетесь сдавать экзамен?

– Да, сэр, конечно. А что?

– Зайдите, пожалуйста, ко мне.

Он завел его в кабинет, закрыл дверь и сел за стол. Затем взглянул на Рода, передвинул зачем-то пресс-папье и наконец произнес:

– Ты неплохой парень, Род... Но иногда, бывает, этого недостаточно.

Род промолчал.

– Скажи, пожалуйста, зачем ты сдаешь этот экзамен?

– Сэр?!

– Что «сэр»? – проворчал Мэтсон. – Отвечай на вопрос.

Некоторое время Род глядел на него в недоумении, потому что они уже говорили на эту тему при зачислении на курс, но потом снова принялся рассказывать о своих планах получить профессию для работы во Внеземелье.

– Мне обязательно нужно сдать «Выживание». Без этого я не смогу получить ученую степень даже по колониальному администрированию, не говоря уже о планетологии и планетологии.

– Значит, хочешь стать исследователем?

– Да, сэр.

– Как я?

– Да, сэр. Как вы.

– Хм... Поверишь ли ты, если я скажу, что это была самая большая ошибка в моей жизни?

– А? Нет, сэр.

– Я, в общем-то, и не надеялся. Сынок, самое лучшее было бы – знать *тогда* то, что я знаю *сейчас*. Разумеется, это невозможно. Но поверь мне, ты родился не в том веке.

– Как это, сэр?

– Мне кажется, ты романтик. А время сейчас действительно очень романтическое, вот поэтому-то для романтиков теперь просто нет места. Теперь нужны практичные люди. Сто лет назад ты мог бы стать адвокатом, банкиром или профессором, а свои романтические порывы удовлетворять чтением приключенческих книг или мечтами о том, кем бы ты стал, если бы тебе посчастливилось родиться не в такое скучное время. Но сейчас романтика и приключения – часть повседневной жизни, а потому в этой жизни нужны очень практичные люди.

– Но я-то чем плох? – Разговор уже начал раздражать Рода.

– Ничем. Ты мне нравишься, и я не хотел бы, чтобы жизнь обошлась с тобой сурово. Однако для настоящего «выживалы» ты слишком сентиментален и слишком эмоционален.

Мэтсон поднял руку, опередив его желание возразить.

– Подожди-подожди. Я знаю, что ты можешь разжечь огонь при помощи двух сухих слов. И мне лучше других известно о твоих отличных показателях практически по всем предметам. Я не сомневаюсь, что ты сумеешь сделать фильтр для воды голыми руками и знаешь, с какой стороны растет на дереве мох. Но я не думаю, что ты достаточно осторожен, чтобы не купиться на «мировую с Медведем»².

– Мировую с Медведем?..

– Это просто фигура речи, не обращай внимания. Сынок, я думаю, тебе нужно отказаться от экзамена. Если будет необходимо, ты сможешь повторить этот курс в колледже.

Род упрямо затряс головой, и Мэтсон тяжело вздохнул:

– Я ведь имею право просто устранить тебя. Может, именно так мне и следует поступить.

– Но почему, сэр?

– В том-то и дело, что я не могу объяснить тебе причину. По оценкам ты один из лучших моих учеников. – Он встал и протянул Роду руку. – Удачи. И помни: если жизнь загонит тебя в тупик, всегда поступай, как сочтешь нужным, и ни о чем не жалея.

Вообще-то, Роду нужно было домой. Его родители жили в пригороде Большого Нью-Йорка, расположенном на плато у Гранд-каньона, куда вели ворота «Хобокен». Но ему требовалось сделать пересадку в «Эмигрантс-гэп», и он не удержался от того, чтобы остаться и поглазеть.

Выйдя из подземки, нужно было свернуть направо, подняться лифтовым колесом на следующий уровень и пройти через ворота на Аризону к движущейся полосе. Но он задумался о припасах, снаряжении и оружии для завтрашнего экзамена, и ноги сами повернули налево, к движущейся полосе, ведущей к огромному комплексу планетарных ворот.

Род сразу пообещал себе, что задержится только на десять минут: не хотелось опаздывать к обеду. Он просочился через толпу и оказался в зале – на зрительной трибуне над эмиграционным ярусом. Комплекс был новый, его открыли только в шестьдесят восьмом. Раньше эмиграционный пункт располагался в Джерси, в нескольких километрах от питав-

² Цитата из стихотворения Р. Киплинга «Мировая с Медведем».

шего его реактора, но теперь там занимались только транспортировкой в пределах Земли и торговлей с Луной.

Трибуна была выстроена прямо напротив шести пространственных ворот и вмещала более восьми тысяч человек, но в тот день половина мест пустовала, а все зрители сбились поближе к центру. Именно там Роду и хотелось устроиться, чтобы видеть все шесть ворот сразу. Он протолкался по среднему проходу и присел у ограждения, но тут заметил, что освободилось место в первом ряду, и рванулся к нему, чуть-чуть опередив мужчину, который кинулся было туда же из соседнего прохода, однако, поняв, что опоздал, остановился и уставился на Рода сердитыми глазами.

Род опустил в щель на подлокотнике несколько монет, и кресло раскрылось. Он сел и огляделся. Место оказалось напротив копии статуи Свободы, родной сестры той, что более века стояла на месте теперешнего кратера Бедлоу. Факел ее почти доставал до потолка, а слева и справа располагались по трое ворот, ведущих к дальним мирам.

Однако на статую Род не глядел; все его внимание приковывали сами ворота. На восточном побережье Северной Америки день близился к концу, и небо затянуло тяжелыми тучами, но ворота номер один открывались в какой-то другой мир, где всюду светило солнце. Род даже разглядел за ними мужчин, одетых лишь в шорты и солнцезащитные панамы. У ворот номер два вплотную стоял шлюз, на дверях которого были изображены череп с костями и обозначение хлора. Над шлюзом горел красный сигнал, но спустя минуту он погас и сменился голубым. Двери медленно открылись, и оттуда выползла герметичная капсула с дышащим хлором существом. Встречали его восемь землян в парадном дипломатическом облачении, один – даже с золотым жезлом.

Род уже собрался потратить еще одну монету в полплутона, чтобы узнать, кто этот важный гость, но тут его внимание привлекли ворота номер пять. Напротив них, почти под трибуной, установили промежуточные ворота и соединили их высоким забором из проволоочной сетки – получилось нечто вроде коридора от ворот до ворот: пятнадцать метров в ширину и семьдесят пять в длину. Загон все время заполнялся людьми, идущими от промежуточных ворот к планетарным и дальше, на какую-то планету за много световых лет от Земли. Они словно вытекали из ниоткуда, поскольку позади промежуточных ворот ничего не было, пробежали по загону, как стадо, подгоняемое пастухом, вливались в ворота номер пять и вновь исчезали. Вдоль каждой стены загона растянулся взвод темнолицых монгольских полисменов с палками чуть ли не в рост человека, которыми они то и дело подгоняли эмигрантов, причем старались от души. Почти под самым креслом Рода один из них так сильно ткнул палкой старого кули, что тот споткнулся и упал. Все свои пожитки – имущество, с которым он собирался вступить в новый мир, – старик нес на правом плече, в привязанных к палке двух узлах.

Кули упал на костлявые колени, попытался встать, но его тут же сбили, и он распластался на полу. Род испугался, что его затопчут, но старик как-то умудрился встать – уже без вещей. Он хотел устоять в людском потоке и отыскать свои узлы, но охранник снова ткнул его палкой, и старика, оставшегося с пустыми руками, просто унесло толпой. Он не прошел и пяти метров, как Род потерял его из виду.

Местные полицейские стояли снаружи, но они не вмешивались: узкое пространство от ворот до ворот стало на время экстерриториальным, и местная полиция не имела там власти. Правда, одного из них жестокое обращение со стариком, очевидно, возмутило, и он, прижавшись лицом к сетке, сказал что-то на общеземном языке. Монгольский полисмен резко ответил ему на том же языке, должно быть послал подальше, отвернулся и принялся орать, толкать переселенцев и лупить их палкой с еще большим остервенением.

Через загон текла толпа – японцы, индонезийцы, сиамцы, выходцы из Восточной Индии, совсем немного евразийцев, но в основном жители Южного Китая. Роду они казались почти одинаковыми – маленькие женщины с младенцами на боку или на спине, а часто

с одним на спине и одним в руках, бесконечный поток сопливых бритоголовых детей, отцы семейств с пожитками в огромных тюках или на тачках. Время от времени появлялись заезженные пони, тянущие за собой большие и явно перегруженные повозки на двух колесах, но у большинства переселенцев было с собой лишь то, что можно унести.

Род слышал когда-то, что, если всех живущих на Земле китайцев выстроить в колонну по четыре и заставить двигаться, она так никогда и не кончится, потому что население будет расти быстрее, чем проходит колонна. Род не поленился проверить, посчитал, и оказалось, что это чушь: даже если не учитывать смертность и считать только прирост населения, последний китаец прошел бы в колонне меньше чем через четыре года. Тем не менее, глядя, как толпу людей гонят, словно на бойню скот, Род чувствовал, что в старой байке есть доля правды, хотя математика ее и не подтверждала. Казалось, им не будет конца.

Спустя несколько минут Род все-таки решил потратить еще полплутона – узнать, что происходит, – и опустил монету в щель динамика, встроенного в кресло. В ушах тут же зазвучал голос комментатора:

– ...посещение министра. Наследного принца встречали представители Земной корпорации во главе с самим генеральным директором, а теперь они сопровождают его до шлюзовой камеры анклава планеты Ратун. После телевизионного приема сегодня вечером начнутся переговоры на уровне делегаций. По мнению лиц, близких к генеральному директору, ввиду невозможности конфликта интересов между существами, потребляющими кислород, как мы, и ратунцами, любой исход переговоров будет нам на пользу, вопрос только – в какой степени. Если вы снова обратите внимание на ворота номер пять, мы готовы повторить сообщенные ранее сведения. Ворота номер пять переданы на сорок восемь часов в распоряжение Австралазиатской республики. Временные ворота, которые вы можете видеть внизу, гипершунтированы на определенную точку в Центральной Австралии, в пустыне Арунта, где в течение нескольких недель подряд накапливалась в большом лагере эта волна эмигрантов. Его Светлое Величество Председатель Австралазиатской республики Фун Чи Му информировал Корпорацию, что его правительство планирует осуществить за сорок восемь часов переброску более двух миллионов человек – воистину впечатляющая цифра, более сорока тысяч эмигрантов в час. Общее число переселенцев, запланированное в этом году для всех планетарных ворот – «Эмигрантс-гэп», «Петр Великий» и «Уитуотерсрэнд», – составляет всего семьдесят миллионов, или в среднем около восьми тысяч человек в час. Это же перемещение предполагает темпы в пять раз более высокие, причем только через одни ворота!

Однако то, что мы наблюдаем, – скорость, эффективность и... э-э-э... решительность, присущая этой операции, – похоже, не оставляют сомнений в успехе. Наши данные за первые девять часов свидетельствуют, что эмигранты даже чуть опережают запланированные темпы. За эти же девять часов восемьдесят два эмигранта умерли и сто семь детей родилось в отбывающих семьях. Столь высокая цифра смертности объясняется, разумеется, трудностями, связанными с эмиграционной операцией такого масштаба.

Планета назначения, GO-8703-IV, отныне будет называться Райской Горой. По словам Председателя Фуна, это прекрасная, богатейшая планета, и до сих пор попыток колонизировать ее никто не предпринимал. Корпорацию заверили, что все будущие колонисты являются добровольцами. – (Тут Роду показалось, что в голосе комментатора прозвучала ироничная нотка.) – Это и понятно, если принять во внимание феноменальное демографическое давление в Австралазиатской республике. Здесь, впрочем, не помешает краткая историческая справка. После высылки остатков прежнего населения Австралии в Новую Зеландию по Бэйпинскому мирному договору первым же удивительным актом нового правительства стало создание огромного внутриконтинентального моря в...

Род приглушил звук и снова посмотрел вниз. Слушать школьную лекцию о том, как австралийскую пустыню превратили в цветущий сад, ему вовсе не хотелось. Тем более что

позже сад все равно загадили и превратили в трущобы, где жило больше населения, чем во всей Северной Америке. У ворот номер четыре разворачивались новые события...

Когда он пришел, пространство у ворот номер четыре было занято грузовым конвейером. Теперь же конвейерная лента отползла назад и скрылась в недрах терминала, а у ворот начала выстраиваться эмиграционная группа.

Здесь уже не было никаких нищих беглецов, подгоняемых полисменами. Здесь каждая семья переезжала в собственном фургоне. Широкие, длинные классические фургоны с прочным верхом из стеклоткани и шестеркой лошадей. Угловатые прочные повозки со стальными кузовами и высокими тонкими колесами, запряженные одной или двумя парами. Животные в упряжках – как на подбор: морганы, величественные клайдсдейлы и миссурийские мулы с сильными спинами, хитрыми недоверчивыми глазами и похожими на кувшин мордами. Между колесами сновали собаки, фургоны были доверху нагружены домашней утварью, снаряжением и детьми. Громко жаловались на несправедливость судьбы куры, гуси и прочая домашняя птица в клетках, привязанных позади фургонов. У одного из них стоял низкорослый шетлендский пони, оседланный, но без седока.

Роду показалось странным, что не видно скота, и он снова прибавил звук, но комментатор по-прежнему бубнил о плодовитости граждан Австралазиатской республики. Приглушив динамик, Род продолжал смотреть. Фургоны, готовые двигаться вперед, выстроились перед воротами в плотную колонну, конец которой исчезал где-то под трибуной. Однако время еще не подошло, и возницы собирались небольшими группками у палатки Армии спасения под складками туники богини Свободы попить кофе и поболтать. Возможно, подумалось Роду, там, куда они направляются, нет никакого кофе и не будет еще долгие годы, поскольку Земля никогда не экспортировала продовольствие, – напротив, продукты питания и радиоактивное топливо служили единственными предметами разрешенного импорта, и пока колония во Внеземелье не окрепнет настолько, чтобы производить излишки того или другого, она едва ли может рассчитывать на какую-то помощь Земли.

Из-за высокого расхода урана держать межпланетные ворота открытыми выходило слишком накладно, и эти люди, отправляющиеся караваном фургонов осваивать новую колонию, прекрасно понимали, что, скорее всего, потеряют коммерческие связи с Землей до тех пор, пока у них не появятся излишки ресурсов, которые позволят открывать ворота на регулярной основе. А до того времени они могут полагаться только на самих себя и рассчитывать только на то снаряжение, что берут с собой. Следовательно, лошади в данном случае лучше вертолетов, а кирки и лопаты надежнее бульдозеров. Машины, случается, выходят из строя и требуют сложного оборудования для ремонта, тогда как старые добрые «пожиратели сена» продолжают плодиться сами по себе, едят траву и таскают повозки как ни в чем не бывало.

Мастер Мэтсон как-то сказал на лекции по выживанию, что больше всего в примитивном Внеземелье жизнь осложняет не отсутствие канализации, отопления, энергии или света и не плохие климатические условия – хуже всего бывает, когда нет самых простых вещей, вроде кофе и табака.

Род никогда не пробовал курить и к кофе тоже относился безразлично, поэтому плохо понимал, как это можно переживать из-за таких мелочей. Наклонившись в кресле, чтобы лучше видеть пространство за воротами, он пытался угадать, в чем причина задержки. Изогнутый дугой брезентовый верх первого «корабля прерий» загораживал ворота, Род почти ничего не видел, но похоже было, оператор ошибся при настройке фазы и небо с землей поменялись местами. Внепространственная коррекция, необходимая, чтобы совместить две точки на различных планетах, отстоящих на многие световые годы друг от друга, требовала не только колоссальных затрат энергии, но и невероятной точности, а это уже область высшей математики и высокого искусства. С математикой прекрасно справлялись машины,

но окончательную настройку всегда осуществляли операторы – как говорится, при помощи молитвы и интуиции.

Помимо тех движений в пространстве, что совершает каждая из связываемых планет, – векторов, которые легко можно складывать и вычитать, – необходимо учитывать еще и вращение планет вокруг оси. Главная проблема заключается в том, чтобы последняя гиперпространственная складка обеспечила касание планет по внутренней стороне окружности большей из них точками, где установлены ворота, причем планеты должны вращаться в одну сторону и оси их должны быть параллельны. Теоретически возможно совместить точки и при вращении в противоположные стороны – для этого достаточно лишь искривить бесплотную ткань пространства-времени, чтобы «реальные» движения планет совпали, – однако на практике это не только слишком расточительно в плане энергии, но и совершенно непрактично: земля за воротами ускользает в сторону, словно лента движущейся дороги, и то и дело наклоняется под немыслимыми углами.

Впрочем, математики, которую Род уже освоил, все равно не хватало, чтобы по-настоящему оценить всю сложность проблемы. Он только оканчивал среднюю школу и не продвинулся дальше тензорного анализа, статистической механики и обобщенной геометрии шестимерного пространства, а в прикладных дисциплинах остановился на основах электроники, введении в кибернетику и роботостроение и начальном курсе конструирования аналоговых компьютеров. Настоящая математика ждала его впереди. Поэтому он даже не подозревал о своем невежестве и просто решил, что оператор, должно быть, работал «левой ногой».

Возницы все еще толпились у палатки, пили кофе и жевали бублики. Большинство мужчин отпустили бороды, и, судя по их длине, партия эмигрантов готовилась к переправке уже несколько месяцев. Капитан группы отрастил маленькую эспаньолку, усы и довольно длинные волосы, но все равно Роду казалось, что тот едва ли намного старше его. Разумеется, это был профессионал, прошедший целый курс необходимых во Внеземелье дисциплин – охота, разведка, элементарные ремесла, оружейное дело, фермерство, оказание первой помощи, групповая психология, тактика группового выживания, закон и еще более десятка различных вещей, без которых не обойтись, когда остаешься один на один с дикой природой.

Одет он был в старинный калифорнийский костюм – может быть, просто для того, чтобы одежда соответствовала скакуну, прекрасной, подобно рассвету, гнедой кобыле. Когда над воротами вспыхнул предупреждающий сигнал, капитан группы вскочил в седло и, продолжая жевать бублик, двинулся вдоль колонны фургонов с последней проверкой. Сидел он прямо, осанисто и очень уверенно. На причудливом низком ремне болтались два пистолета-резака, каждый в украшенной серебром кобуре с такой же отделкой, как на седле и уздечке.

Род невольно задержал дыхание, пока капитан не скрылся под трибуной, затем вздохнул и подумал, а не стоит ли ему самому вместо какой-то более интеллектуальной профессии Внеземелья заняться чем-нибудь таким, что поможет ему стать похожим на этого человека. Он, в общем-то, и не знал пока, кем ему хочется работать: главное – покинуть Землю как можно скорее и очутиться там, далеко, где жизнь бьет ключом.

Эти размышления напомнили ему, что завтра у него важное испытание: через несколько дней он или сможет поступать, куда ему захочется, или... Но об этом лучше не думать. Род понял вдруг, что время уходит, а он даже не решил еще, какое оружие и снаряжение возьмет с собой. У капитана группы, готовящейся к отправке, были пистолеты-резаки... Может быть, и ему стоит взять такой же? Хотя нет, если им придется защищаться, они будут сражаться группой. И такое оружие у их лидера скорее для поднятия авторитета, чем для выживания в одиночку. Что же тогда взять?..

Зазвучала сирена, и возницы вернулись к своим фургонам. На полном скаку вернулся к голове каравана и капитан.

– По места-а-а-ам! Приготовиться! – прокричал он и занял место у самых ворот, лицом к каравану.

Кобыла вздрагивала и то и дело переступала ногами.

Из-за стойки в палатке Армии спасения появилась девушка с маленькой девочкой на руках. Она крикнула что-то капитану, но голос ее до трибуны не долетел.

Однако у капитана голос оказался гораздо громче:

– Номер четыре! Дойл! Ну-ка, забери своего ребенка!

Рыжий мужчина с похожей на лопату бородой выскочил из четвертого фургона, со смущенным выражением лица принял ребенка и понес назад под крики, смех и улюлюканье из других фургонов. Затем отдал девочку жене, которая тут же задрала ей платье и хорошенько отшлепала. Дойл забрался на место и взял в руки вожжи.

– Рассчитайся! – протяжно крикнул капитан.

– Первый!

– Второй!

– Третий!

– Четвертый!

– Пятый!

Голоса ушли под трибуну и дальше, откуда их совсем не было слышно. Однако спустя какое-то время переключка вернулась в обратном порядке и закончилась громким «Первый!». Капитан поднял правую руку и замер, не сводя глаз с цветковых сигналов над воротами.

Наконец загорелся зеленый. Он резко опустил руку и крикнул:

– Тронулись! Хэй-хэй!

Его кобыла рванулась с места, словно на скачках, проскочила перед носом левой ведущей лошади в упряжке первого фургона и очутилась за воротами.

Защелкали бичи. Снизу то и дело доносилось: «Вперед, Молли!», «Вперед, Нед!» или «Но, башкастые!». Караван покатиł вперед. К тому времени, когда стоявшие на виду под трибуной фургоны скрылись за воротами и показались остальные, ждавшие в подъездном туннеле, колонна неслась уже галопом. Возницы сидели, упершись ногами в передок, а их жены держали руки на тормозах. Род пытался сосчитать их и добрался до шестидесяти трех, когда последний фургон проехал ворота... и скрылся, оказавшись за полГалактики от Земли.

Вздохнув, Род откинулся на спинку с каким-то теплым чувством в душе, окрашенным необъяснимой грустью, затем прибавил звук.

– ...на Нью-Ханаан, первоклассную планету, которую великий Лэнгфорд назвал «розой без шипов». За привилегию строить новую жизнь на этой планете ради будущего своих детей колонисты заплатили высшую ставку в шестнадцать тысяч четыреста плутонов за каждого человека – разумеется, без учета освобожденных от уплаты кооптированных членов группы. Компьютерные центры предсказывают, что высшая ставка будет возрастать в течение еще двадцати восьми лет, и, если вы хотите подарить своим детям бесценное гражданство на Нью-Ханаане, действовать надо сейчас. Всего за один плутон, высланный по адресу: «Информация, а/я 1, „Эмигрантс-гэп“. Округ Нью-Джерси. Большой Нью-Йорк», вы сможете получить прекрасную кассету с видами планеты. Если же вас интересует полный список открытых для колонизации планет плюс отдельный список тех, что будут открыты в ближайшем будущем, добавьте еще полплутона. Те, кто наблюдает сейчас за событиями, о которых рассказывает наша передача, могут получить кассету и дополнительные материалы в фойе большого зала.

Род не прислушивался. Он давно уже выписал себе все бесплатные и большинство платных материалов, что распространялись Комиссией по эмиграции и торговле. Сейчас его больше занимало, почему ворота на Нью-Ханаан не закрылись.

Но загадка прояснилась почти сразу же. От ворот номер четыре до самого туннеля поднялись из пола металлические ограждения, образовавшие длинный коридор, и спустя секунду из ворот вырвался поток ревущего, фыркающего скота – откормленные херефордширские бычки, которые в скором времени должны были превратиться в нежные бифштексы и восхитительное жаркое для богатой, но слегка голодной Земли. За ними и среди них ехали нью-ханаанские погонщики с длинными палками, которыми они подгоняли животных, заставляя их двигаться быстрее, несмотря на то что они теряли при этом в весе: ворота были по-прежнему открыты, и стоимость этой услуги автоматически вычиталась из стоимости скота.

Тут Род обнаружил, что комментатор умолк. Тридцать минут трансляции, за которые он заплатил, истекли. У него тотчас же возникло чувство вины, и он понял, что надо торопиться, иначе можно опоздать к обеду. Род бросился бегом, наступая на ноги и извиняясь направо и налево, и наконец добрался до движущейся полосы к воротам «Хобокен».

Эти ворота, поскольку они предназначались только для перемещения по поверхности Земли, были постоянно открыты и не требовали внимания оператора: две точки, которые они соединяли, располагались на одном и том же жестком основании, на твердой Земле. Род предъявил постоянный билет электронному контролеру и в компании знакомых и незнакомых людей шагнул в Аризону.

Поправка: на *почти* твердой Земле. Компьютер, управляющий работой ворот, учитывал приливные искажения поверхности, но не мог предвидеть мелкие сейсмические явления. Сделав шаг в Аризону, Род почувствовал, что ноги у него дрогнули, словно при крошечном землетрясении, но спустя мгновение terra снова стала firma. Однако он все еще был в шлюзовой камере с давлением воздуха как на уровне моря. Уловив тепло человеческих тел, механизм закрыл шлюз, и давление снизилось. Род протяжно зевнул, приспосабливаясь к давлению на северном плато Гранд-Каньона, где оно было на четверть меньше, чем в Нью-Джерси. Но даже притом что ему приходилось путешествовать туда и обратно почти ежедневно, уши каждый раз закладывало, и Род принялся тереть ладонью правое ухо, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

Наконец шлюз открылся, и он вышел наружу. Преодолев за долю секунды две тысячи миль, он теперь должен был потратить десять минут на движущийся туннель и еще за пятнадцать дойти пешком до дому. Род решил, что трусцой он все-таки доберется домой вовремя. И видимо, добрался бы – если бы тем же маршрутом не хотели воспользоваться еще несколько тысяч человек.

Глава 2

Пятый путь

Ракетные корабли вовсе не покорили космос, они лишь бросили ему вызов. Ракета, покидающая Землю со скоростью семь миль в секунду, слишком тиха для огромных просторов, что лежат за пределами планеты. Одна лишь Луна более-менее рядом, и то до нее около четырех дней. До Марса при такой скорости – тридцать семь недель, до Сатурна – бесконечные шесть лет, а до Плутона – почти невозможные полвека. Все – по эллиптическим орбитам, доступным ракетам.

Факельные корабли Ортеги значительно приблизили к нам Солнечную систему. Эти корабли, работающие за счет преобразования массы в энергию по бессмертному эйнштейновскому $E = mc^2$, уже могли разгоняться на протяжении всего полета, причем с любым ускорением, какое только выдержит пилот. При вполне приемлемом ускорении в одно g ближайшие планеты оказались всего в нескольких часах лёта, а дорога до далекого Плутона занимала лишь восемнадцать дней. Человечество словно пересело с лошади на реактивный лайнер.

Люди заполучили дивную новую игрушку, вот только лететь было особенно некуда. С точки зрения человека, Солнечная система – на удивление непривлекательное место. Разумеется, кроме прекрасной, зеленой, щедрой Земли. Жители Юпитера с их стальными мышцами прекрасно чувствуют себя при силе тяжести в два с половиной раза больше нашей и в совершенно ядовитой атмосфере. Марсиане отлично живут почти что в вакууме, а лунные ящерицы – так те и вообще не дышат. Но все эти планеты – не для людей.

Людам нужна кислородная планета недалеко от звезды класса G и чтобы температура не очень сильно отклонялась от точки замерзания воды. Короче, такая, как Земля.

Однако, если вы уже здесь, зачем лететь куда-то еще? А затем, что у людей рождаются дети, много-много детей. Мальтус³ писал об этом уже давно: производство продовольствия растет в арифметической прогрессии, в то время как численность человечества – в геометрической. К Первой мировой войне половина планеты уже находилась на грани голода. Ко Второй мировой численность населения Земли увеличивалась на пятьдесят пять тысяч человек *каждый день*. А уже перед Третьей мировой войной, в 1954 году, этот прирост составил сто тысяч ртов и животных в день. Тридцать пять миллионов новых людей каждый год... И вскоре население Земли превысило то количество, которое способны прокормить пашни планеты.

Термоядерные бомбы, бактериологическое оружие, нервно-паралитические газы и прочие ужасы, обрушившиеся на человечество позднее, в общем-то, объяснялись не политическими причинами. Истинная картина происходящего напоминала скорее драку нищих из-за корки хлеба.

Автор «Путешествий Гулливера» когда-то мрачно пошутил, предложив откармливать ирландских детишек для английских столов, другие проповедовали менее радикальные меры обуздания роста человечества, но ни одна из них никак не изменила положения на Земле. Жизнь – *любая* жизнь – имеет два побуждения: выжить и продолжить род. Разум – всего лишь побочный продукт эволюции, бесполезный во всем, кроме служения этим двум целям.

Однако разум можно *заставить* работать на эти слепые императивы жизни. В нашей Галактике имеется более ста тысяч планет земного типа, и каждая может быть по-матерински добра к человеку, как родная Земля. Факельные корабли Ортеги уже позволяли достичь

³ Томас Р. Мальтус (1766–1834) – английский экономист, основоположник мальтузианства.

звезд. Человечество могло колонизировать новые земли в космосе, точно так же как когда-то миллионы голодных европейцев пересекли Атлантику, чтобы вырастить своих детей в Новом Свете.

Некоторые так и поступили. Сотни тысяч людей. Но даже все человечество целиком, работая как одна команда, не могло строить и запускать по сотне кораблей в день, каждый на тысячу колонистов, день за днем, год за годом и так до бесконечности. Даже когда есть хорошие руки и решимость (а последнего человечеству всегда недоставало), не хватит стали, алюминия и урана во всей земной коре. Не хватит и на одну сотую нужного числа кораблей.

Но разум способен находить решения там, где их, казалось бы, нет. Однажды психологи заперли обезьяну в комнате, оставив ей только четыре возможных пути для побега, а затем уселись наблюдать, какой из четырех она выберет.

Обезьяна нашла пятый путь.

Доктор Джесс Эвелин Рамсботхэм вовсе не пытался решить проблему высокой рождаемости. Нет, он хотел построить машину времени. И причин для этого у него было две: во-первых, машину времени создать невозможно; во-вторых, в присутствии девушек, достигших брачного возраста, он всегда заикался и очень мучился оттого, что у него потеют ладони. Впрочем, сам он даже не подозревал, что первая причина всего лишь компенсирует вторую. Строго говоря, он вообще не подозревал о существовании второй причины – этой темы его сознание старательно избегало.

Бессмысленно строить предположения о том, как повернулась бы история человечества, если бы родители Джесса Эвелина Рамсботхэма назвали своего сына Биллом, а не наградили его двумя девичьими именами. Возможно, он стал бы тогда выдающимся полужащитником и, прославившись на всю Америку, занялся бы в конце концов продажей ценных бумаг, добавляя, как все, детишек к катастрофически растущему населению Земли. Но он стал физиком-теоретиком.

В физике прогресс достигается отрицанием очевидного и принятием на веру невозможного. Любой ученый девятнадцатого века мог бы убедительно объяснить, почему невозможны атомные бомбы, – если бы его, конечно, не оскорбил подобный бессмысленный вопрос. Любой физик двадцатого столетия легко убедил бы вас, что путешествия по времени просто не вписываются в реальную пространственно-временную картину мира. Но Рамсботхэм начал как раз с трех величайших уравнений Эйнштейна – двух уравнений для релятивистского сокращения длины и замедления времени и уравнения, связывающего массу с энергией. В каждом из них фигурирует скорость света, а скорость есть не что иное, как производная первого порядка функции пройденного расстояния от времени. Он переписал уравнения в дифференциальной форме и принялся за математические игры, скормив эти соотношения РАКИТИАКу, дальнему потомку УНИВАКа, ЭНИАКа и МАНИАКа. Работая с уравнениями, Рамсботхэм никогда не заикался, и у него никогда не потели при этом ладони – разве что когда ему приходилось общаться с молодой особой, служившей главным программистом гигантского компьютера.

Его первая рабочая модель дала стасисное, или низкоэнтропийное, поле размерами не больше футбольного мяча: при включении на полную мощность помещенная внутрь сигарета продолжала гореть целую неделю. Через семь дней после начала эксперимента Рамсботхэм достал сигарету, докурил и надолго задумался.

В следующий раз он опробовал машину на однодневном цыпленке, причем в присутствии коллег. Спустя три месяца цыпленок ничуть не вырос и даже не проголодался, во всяком случае не больше, чем любой другой в таком же возрасте. Рамсботхэм поменял фазовое соотношение и настроил аппарат на самый короткий временной интервал, какой только позволяла изготовленная в домашних условиях установка.

В долю секунды недавно вылупившийся цыпленок умер от голода и разложился.

Рамсботхэм понимал, что в данном случае лишь изменил наклон графика, но по-прежнему верил, что вскоре откроет способ перемещения во времени. Долгожданного открытия не произошло, хотя однажды был момент, когда он думал, что это ему все-таки удалось. Как-то раз Рамсботхэм по просьбе коллег повторил эксперимент с цыпленком. Ночью двое из них подобрали ключи к лаборатории, выпустили цыпленка и поместили в стасисное поле яйцо. Возможно, Рамсботхэм навсегда уверовал бы в возможность путешествий во времени и до конца своей жизни исследовал бы тупиковый маршрут, но коллеги сжалились и на его глазах раскололи яйцо, – оказалось, оно сварено вкрутую.

Однако Рамсботхэм не сдавался. Он построил модель еще больших размеров, после чего задался целью получить поле особой конфигурации, с некоей воронкой, аномалией (термин «ворота» он, конечно, не употреблял), позволяющей ему самому заходить внутрь и выбираться наружу.

Когда он включил питание, вместо голой стены за двумя изогнутыми магнетодами установки перед ним вдруг предстали удручающие джунгли. Рамсботхэм сразу решил, что это лес каменноугольного периода. Ему нередко приходило в голову, что разница между пространством и временем – лишь свойственный людям предрассудок, но в этот раз он ни о чем таком не задумывался: он просто верил в то, во что ему хотелось верить.

Рамсботхэм схватил пистолет и храбро, но безрассудно полез между магнетодами.

Спустя десять минут его арестовали за ношение оружия в ботаническом саду Рио-де-Жанейро. Незнание португальского только усугубило проблему и продлило срок его пребывания в душной тюремной камере тропической страны, но через три дня он при помощи американского консула все-таки отправился на родину. Всю дорогу до дому Рамсботхэм напряженно думал, исписав при этом несколько блокнотов уравнениями и вопросительными знаками.

Короткий путь к звездам был найден.

Открытия Рамсботхэма устранили основную причину войн и подсказали, что делать со всеми этими милыми детишками. Сотни тысяч планет оказались вдруг не дальше противоположной стороны улицы. Неосвоенные континенты, нетронутые дикие чащи, пышные джунгли, убийственные пустыни, мерзлые тундры, суровые горы – все это лежало теперь прямо за воротами городов, и человечество вновь устремилось туда, где не сияет уличное освещение, где на углу не стоит готовый прийти на помощь полисмен, где и углов-то еще никаких нет. Нет ни хорошо прожаренных нежных бифштексов, ни ветчины без костей, ни упакованной, готовой к употреблению пищи для изысканных умов и изнеженных тел. Двухногому всеядному вновь понадобились его кусающие, рвущие звериные зубы: человечество выплеснулось в большой мир (как это уже случалось раньше), где действуют законы «убей, или будешь убит», «съешь, или будешь съеден».

Однако человечество обладает огромным талантом выживать. Человечество, как всегда, приспособилось к новым условиям, и наиболее урбанизированная, механизированная и цивилизованная культура за всю его долгую историю начала учить своих лучших детей, своих потенциальных лидеров, выживать в примитивных условиях, когда обнаженный человек выходит один на один с дикой природой.

Разумеется, Род Уокер знал о докторе Дж. Э. Рамсботхэме, так же как знал он имена Эйнштейна, Ньютона или Колумба, но вспоминал о нем не чаще, чем, скажем, о том же Колумбе. Для него они были просто образами из книг, историческими личностями, грандиозными фигурами прошлого. Совершенно не задумываясь, он каждый день проходил ворота Рамсботхэма между Джерси и движущейся полосой в Аризоне – так же, как его предше-

ственники пользовались лифтами, не вспоминая человека по имени Отис⁴. И если он когда вспоминал об этом чуде, то с некоторой долей раздражения, потому что выход ворот «Хобокен» в Аризоне был слишком далеко от родительского дома. Здешние ворота назывались «Кайбаб», и располагались они в семи милях к северу от жилища Уокеров.

В то время, когда строился их дом, местность эта была на дальнем конце коммуникационной линии пневмодоставки и прочих городских удобств. Строили его давно, и поэтому гостиная Уокеров стояла на поверхности, тогда как спальня, кладовые и бомбоубежище скрывались под землей. Раньше гостиная торчала на участке голым, будто выточенным из одного куска эллипсоидом, но позже, когда Большой Нью-Йорк стал разрастаться, строительство наземных сооружений, нарушающих целостную картину дикого леса в этом регионе, запретили.

Родители Рода решили подчиниться – до определенной степени – и засыпали купол землей, насадив сверху обычной для здешних мест растительности, но категорически отказались закрывать панорамное окно с видом на Гранд-Каньон, придававшее дому все его очарование. Окружной административный совет пытался заставить их убрать окно, предлагая за свой счет заменить его телеокном, как в других подземных жилищах, но отец Рода слыл упрямым человеком. Он утверждал, что погоду, женщину и вино невозможно заменить чем-то «примерно тем же». Одним словом, окно осталось на месте.

Вернувшись домой, Род обнаружил, что все семейство сидит как раз перед этим самым окном, наблюдая, как движется через каньон грозовой фронт, – мать, отец и, к его удивлению, сестра Элен. Она была на десять лет старше Рода, служила капитаном в корпусе Амазонок и редко показывалась дома.

– Привет, сестренка! Здорово, что ты здесь! Я думал, ты на Тулии... – обрадованно заговорил Род, хотя и понимал, что даже ее приезд не спасет его от распеканий за опоздание.

– Я там и была. Всего несколько часов назад.

Род хотел пожать ей руку, но она сгребла его в охапку, словно медведь, и смачно поцеловала в губы, прижав к рельефному орнаменту на хромированных латах. Элен даже не сняла еще форму, и Род подумал, что она, очевидно, только-только прибыла: во время своих редких посещений сестра обычно расхаживала по дому в халате и шлепанцах. Сейчас она все еще была в бронежилете и форменном килте, а на полу лежали металлизированные перчатки, шлем и пояс с оружием.

– Боже, как ты вырос! – с гордостью произнесла сестра. – Почти догнал меня.

– Уже перегнал.

– Спорим?... Ну-ка, не дергайся, а то руку выверну. Снимай ботинки и давай померимся спиной к спине...

– Сядьте, дети, – спокойным тоном сказал отец. – Род, ты почему опоздал?

– Э-э-э... – Он уже придумал, как отвлечь внимание родителей рассказом о предстоящем экзамене, но тут вмешалась Элен:

– Ну что ты его спрашиваешь, патер? Если тебе так хочется оправданий, ты их обязательно получишь. Я это поняла, еще когда была младшим лейтенантом.

– Помолчи, дочь! Я вполне способен воспитать его без твоей помощи.

Рода удивила резкая реплика отца и еще больше удивил ответ Элен.

– Ой ли? – произнесла она каким-то странным тоном.

Род заметил, что мама всплеснула руками, собираясь что-то сказать, затем передумала. Выглядела она расстроенной. Отец и сестра молча смотрели друг на друга. Род в растерянности глядел то на него, то на нее, потом спросил:

– Слушайте, что тут произошло?

⁴ Элиш Грейвз Отис (1811–1861) – американский изобретатель, первым в мире запатентовавший пассажирский лифт.

– Ничего, – ответил отец, переводя взгляд на него. – Давайте-ка не будем сейчас об этом. Обед ждет. Пойдем, дорогая. – Он повернулся к жене, помог ей встать и предложил руку, собираясь идти.

– Постойте, – нетерпеливо сказал Род. – Я опоздал, потому что проторчал в «Гэп».

– Ладно. Ты прекрасно знаешь, я не люблю, когда ты опаздываешь, но сейчас мы эту тему оставим. – Отец повернулся к лифту.

– Но я еще не все рассказал, пап. Меня не будет дома больше недели.

– Ладно... Что? Что ты сказал?

– Меня какое-то время не будет дома, сэр. Дней десять или больше.

Отец справился с удивлением и покачал головой:

– Каковы бы ни были твои планы, их придется изменить. Сейчас я не могу тебя отпустить.

– Но пап...

– Извини, но это окончательное решение.

– Но я просто *должен*, пап!

– Нет.

Род был близок к отчаянию. Но тут неожиданно вступила в разговор сестра:

– Патер, может быть, стоит все-таки узнать, почему он собирается отсутствовать?

– Знаешь что, дочь...

– Пап, завтра у меня экзамен по одиночному выживанию!

Миссис Уокер судорожно вздохнула и заплакала. Отец попытался успокоить ее, потом повернулся к Роду и сказал суровым тоном:

– Ты расстроил маму.

– Но, пап, я... – Род обиженно замолчал. Никого, похоже, не волновало, что думает об этом он сам. А ведь завтра *его* экзамен, *ему* завтра «либо выплыть, либо утонуть». Много они понимают...

– Вот видишь, патер, – сказала сестра. – Он действительно должен. У него нет выбора, потому что...

– Ничего такого я не вижу! Род, я давно собирался поговорить с тобой, но не думал, что экзамен начнется так скоро. Должен признать, у меня были сомнения, когда я подписывал тебе разрешение на этот курс. Я считал, что в будущем знания могут пригодиться тебе... когда... если ты будешь проходить этот курс в колледже. Но я ни в коем случае не думал позволять тебе сдавать экзамен в рамках школьной программы. Ты еще слишком молод.

От обиды и негодования Род даже не знал, что сказать. И опять за него высказалась сестра:

– Чушь!

– А? Знаешь что, дочь, тебе, пожалуй, следует помнить, где...

– Повторяю: чушь! Любой из девушек моей роты приходилось сталкиваться по крайней мере с такими же трудностями, а многие из них не бог весть на сколько старше братишки. Чего ты добиваешься, патер? Хочешь сломать его?

– У тебя нет оснований... Ладно. Лучше будет, если мы обсудим все это позже.

– Вот и отлично.

Капитан Уокер взяла брата под руку, и они последовали за родителями вниз, в столовую. Обед в доставочных контейнерах уже ждал на столе и еще не остыл. Все встали у своих мест, и миссис Уокер торжественно зажгла Лампу Мира. Семья по традиции исповедовала евангелический монизм, поскольку деда Рода по обеим линиям обратились в эту веру еще во времена второй великой волны прозелитизма, накатившей из Персии в последние десятилетия прошлого века, а отец Рода всегда относился к обязанностям семейного священника весьма серьезно.

По ходу ритуала Род автоматически произносил нужные слова, но мысли его занимали совсем другие проблемы. Сестра вторила отцу от души, но голос матери был едва слышен.

Однако теплый символизм церемонии возымел действие, и Род почувствовал, что немного успокоился. Когда его отец повторил последнее «...единый Господь, единая семья, единая плоть!», ему уже захотелось есть. Он наконец сел и снял крышку со своей тарелки.

Белковая котлета в форме куска жареного мяса, немного настоящего бекона, большая печеная картофелина, жареная зеленая фасоль и несколько кочанчиков брюссельской капусты... У него сразу потекли слюнки, и он потянулся за кетчупом.

Род заметил, что мама ест мало, и это его удивило. Отец тоже едва притронулся к тарелке, но с ним такое случалось часто. Род вдруг понял с каким-то теплым, даже жалостливым чувством, что отец здорово исхудал и поседел. Сколько же ему уже?..

Но вскоре его внимание привлек рассказ сестры.

– ...А комендант мне заявляет, что я должна подтянуть дисциплину. Я ей говорю, мол: «Мадам, девушки есть девушки. Если мне придется понижать старшин каждый раз, когда кто-нибудь из них выкинет что-то подобное, у меня скоро останутся одни рядовые. А сержант Дворак – мой лучший бортстрелок...»

– Подожди-ка, – перебил ее отец. – Мне казалось, ты говорила «Келли», а не «Дворак».

– Ну да. Я намеренно сделала вид, что не понимаю, какого сержанта она имеет в виду. Дворак я уже поймала один раз на том же самом, а Крошка Дворак – она ростом выше меня – это наша главная надежда на армейских соревнованиях. Если бы ее понизили в звании, и она, и мы потеряли бы право на участие. Короче, я сделала большие глаза и решила действовать, как будто ничего не понимаю. Старуха разволновалась, только что ногти не грызет, а я ей говорю, что, мол, обе нарушительницы будут заперты в казарме до тех пор, пока парни из колледжа не установят новую следящую систему. Потом напела ей о милосердии: это, мол, и нам не чуждо, это как мягкий благодатный дождь... Пообещала лично проследить, чтобы ей не пришлось больше краснеть за подобные скандальные – это ее выражение, – скандальные выходки, особенно когда она водит по части командование сектора. Старуха немного еще поворчала – как командир роты, она, мол, ответственна за ее успехи и в случае чего спустит с меня шкуру, – но потом выгнала, сказав, что ей нужно готовить квартальный отчет по обучению личного состава. Я тут же отсалютовала, как на параде, и вылетела оттуда пулей.

– Право, не знаю, – произнес мистер Уокер рассудительно, – стоит ли тебе возражать командиру в подобных случаях. В конце концов, она старше и, очевидно, мудрее тебя.

Элен сложила последние шарики брюссельской капусты маленькой горкой, подцепила вилкой и проглотила одним махом.

– Чепуха! Извини, патер, но, если бы ты проходил воинскую службу, ты бы и сам так думал. Я своих девчонок держу в ежовых рукавицах – отчего они только хвастаются, что им достался самый страшный огнеед на двадцати ближайших планетах. Но когда у них неприятности с начальством, я должна их защищать. Всегда может случиться, что мы влипнем в такую ситуацию, когда мне останется только встать во весь рост и идти вперед. Но я этого не боюсь, потому что справа у меня будет Келли, а слева – Дворак и каждая будет защищать «мамашу Уокер» уже по своей инициативе. Я знаю, что делаю. «Уокеровские оборотни» – все друг за друга.

– Боже милостивый, дорогая моя. Как мне жаль, что ты выбрала такое... ну, такое *опасное* призвание.

Элен пожала плечами:

– Уровень смертности у нас такой же, как у всех других: один человек – одна смерть, раньше или позже. А что ты хотела, мам? Чтобы я сидела дома, вязала шарфики и ждала своего принца? Когда на одном только этом континенте женщин на восемнадцать миллионов

больше, чем мужчин? В районе боевых действий мужчин всегда больше, и при случае я одного себе заарканю – какой бы я ни была старой уродиной.

– А ты в самом деле оставила бы службу, чтобы выйти замуж? – с любопытством спросил Род.

– Ха! Я даже не останавлиюсь пересчитать, все ли у него руки и ноги! Если он еще тепленький и способен кивнуть головой, он обречен. Моя цель – шестеро детей и ферма!

Род окинул ее взглядом:

– Пожалуй, у тебя неплохие шансы. Ты здорово выглядишь, вот только лодыжки толстоваты.

– Ну спасибо, братец. Успокоил. А что у нас на десерт, мам?

– Я не смотрела. Открой, пожалуйста.

Оказалось, на десерт холодные мангорины, что Рода опять-таки обрадовало. Сестра продолжала рассказывать:

– Во время активных действий все не так уж плохо. Вот гарнизонная жизнь и в самом деле выматывает. Девчонки толстеют, становятся небрежны и сцепляются друг с другом просто от скуки. На мой взгляд, эти потери страшнее боевых, и я надеюсь, нашу роту скоро переведут для наведения порядка на планету Байера.

Мистер Уокер взглянул на жену, потом на дочь.

– Мама опять расстроилась, дорогая. Кое-какие темы, что мы сегодня затрагиваем, едва ли годятся для беседы под Лампой Мира.

– Меня спросили – я ответила.

– Может быть, может быть...

– А может быть, пора ее выключить. Все уже поели.

– Если хочешь. Хотя поспешность тут вряд ли уместна.

– Ничего. Господь прекрасно знает, что мы не вечны. – Она повернулась к Роду. – Слабо тебе исчезнуть на какое-то время, братец? Мне нужно поговорить с родителями.

– Ты себя ведешь так, словно я...

– Сгинь. Увидимся позже.

Род ушел, чувствуя себя обиженным, и, выходя из комнаты, заметил, как сестра задула Лампу Мира.

Когда Элен заглянула в его комнату, он все еще составлял список.

– Привет.

– Привет, Элен.

– Чем занимаешься? Думаешь, что взять с собой на «выживание»?

– Вроде как.

– Не возражаешь, если я здесь у тебя устроюсь? – Она скинула с кровати разложенные там вещи и расположилась поудобнее. – Этим мы займемся позже.

Род обдумал сказанное.

– Ты имеешь в виду, что отец не будет больше возражать?

– Точно. Я долбила свое, пока он не узрел наконец свет истины. Но об этом опять же после. Сначала я хочу кое-что тебе сообщить, братец.

– Например?

– Во-первых, наши родители отнюдь не так глупы, как тебе представляется. Собственно говоря, они совсем не глупы.

– А я ничего такого никогда и не говорил! – возразил Род, сознавая с чувством вины, что именно так он совсем недавно думал.

– Нет, конечно. Но я слышала, что происходило перед обедом, и ты тоже слышал. Отец пытался употребить свою власть и не желал ничего слушать. Я не знаю, приходило ли тебе в голову, какая это тяжелая работа – родитель. Может быть, самая тяжелая на свете, особенно

если у тебя нет таланта. К отцу это в какой-то мере относится. Он знает свою работу, старается и делает ее добросовестно. По большей части справляется, хотя иногда делает ошибки вроде сегодняшней. Но одного ты еще не знаешь: папа может скоро умереть.

– Что? Как? – Рода словно ударили. – Я не знал, что он болен.

– Так и было задумано. Но не сходи с ума, выход еще есть. Папа сильно болен и может умереть через несколько недель – если только не предпринять решительных шагов. Что они и сделали. Так что успокойся.

Коротко и ничего не скрывая, она обрисовала ему ситуацию: мистер Уокер действительно страдал функциональным расстройством организма, от которого медленно умирал. Болезнь оказалась не под силу современному медицинскому искусству. Он мог протянуть еще несколько недель или месяцев, но в конце концов должен был умереть.

Род уронил голову на руки, проклиная себя за невнимательность. Отец умирал, а он даже ничего не заметил. От него скрыли это, как от малого ребенка, а он оказался слишком глуп, чтобы заметить самому.

Элен тронула его за плечо:

– Не надо. Нет ничего глупее, чем ругать себя, когда от тебя ничего не зависит. В любом случае мы уже предприняли необходимые шаги.

– Но какие? Ты сама сказала, что медицина бессильна.

– Успокойся и помолчи. Родители хотят совершить прыжок Рамсботхэма с соотношением пятьсот к одному – двадцать лет за две недели. Они уже подписали контракт с «Энтропи инкорпорейтед». Папа оставил работу в «Дженерал синтетикс» и сворачивает все остальные дела. В следующую среду они должны распрощаться с сегодняшним миром, поэтому отец и возражал против твоих планов. Он в тебе души не чает. Бог знает почему.

Род пытался разобраться во всех этих свалившихся на него новостях. Временной прыжок... ну конечно же! Отец останется жив еще двадцать лет. Но...

– Послушай, Элен, но ведь это ничего не даст! Я понимаю, двадцать лет, но для них пройдет всего две недели... и отец останется таким же больным. Я знаю о таком случае: для прадеда Хэнка Роббинса сделали то же самое, но он все равно умер, сразу после того, как его достали из стасисного поля. Мне сам Хэнк рассказывал.

Сестра пожала плечами:

– Может быть, это и в самом деле безнадежный случай. Но лечащий врач отца, доктор Хенсли, сказал, что надежда есть... только через двадцать лет. Я ничего не понимаю в медкоррекции метаболизма, но Хенсли уверяет, что медики уже сейчас на грани открытия, а через двадцать лет они залатают отца так же легко, как сейчас людям отращивают новую ногу.

– Ты думаешь, так и будет?

– Откуда мне знать? В таких случаях остается лишь нанять самого лучшего специалиста, а затем поступить, как он посоветует. Если мы этого не сделаем, папа умрет. Потому мы и согласились.

– Да-да, конечно. Мы просто обязаны...

Сестра пристально посмотрела на него и добавила:

– Ладно. Хочешь поговорить с ними?

– Что? – Неожиданный вопрос сбил Рода с толку. – Зачем? Они меня ждут?

– Нет. Я убедила их ничего не рассказывать тебе. А затем пришла сюда и рассказала все сама. Теперь ты можешь поступить, как захочешь, – можешь сделать вид, что ничего не знаешь, а можешь признаться, после чего мама будет весь вечер плакать, а отец наставлять тебя последними «мужскими» советами, которым ты все равно не последуешь. В конце концов около полуночи ты вернешься сюда с совершенно истерзанными нервами и начнешь

собираться. Сам решай. Я сделала все, чтобы избавить тебя от этой сцены. Так всем будет легче. По мне, так лучше уходить по-кошачьи.

Род совсем растерялся. Не попрощаться, думал он, будет неестественно, неблагодарно, как-то не по-семейному, но и само прощание казалось невыносимо тягостным.

– Что значит «по-кошачьи»?

– Когда кошка приходит, она устраивает целое представление – тычется носом в ноги, трется вокруг тебя и урчит, как трактор. Но, уходя, она просто уходит и даже не оглядывается. Кошки – животные умные.

– И что...

– Помни еще, – добавила Элен, – что они делают это ради себя. Ты тут ни при чем.

– Но отец просто должен...

– Разумеется, должен, если хочет выздороветь. – Она никак не могла решить, стоит ли упоминать, что стоимость временного прыжка оставит Рода практически без средств, но в конце концов пришла к выводу, что это лишнее. – Однако мама ничего такого не должна.

– Как же? Она должна быть с отцом.

– Да? Сам посчитай. Она предпочла оставить тебя одного на двадцать лет, чтобы провести с отцом две недели. Или можно еще так сказать: она предпочитает оставить тебя сиротой вместо того, чтобы овдоветь на двадцать лет.

– Я думаю, ты к ней несправедлива, – медленно произнес Род.

– Я же не критикую. Мама правильно решила. Однако оба они чувствуют себя здорово виноватыми перед тобой и...

– Передо мной?

– Да, перед тобой. Я уже давно сама по себе. Если ты захочешь все-таки попрощаться, это чувство вины может проявиться и как самооправдание, и как самовластие; они могут выместить свое чувство вины на тебе, и всем от этого будет только плохо. Мне бы не хотелось, чтобы так вышло. Ты теперь – вся моя семья.

– Может быть, ты права.

– Ну не за красивые же глаза мне поставили в свое время высший балл по логике эмоций и военному руководству. Человек – существо не рациональное, а скорее придумывающее рациональные причины своим поступкам. Ладно, давай посмотрим, что ты собираешься брать с собой.

Элен пробежала глазами его список и взглянула на снаряжение.

– Боже, Род, сколько же ты набрал барахла! Прямо как Твидлдам, который собрался на битву, или Белый Рыцарь!⁵

– Вообще-то, я собирался сократить список, – ответил Род смущенно.

– Надеюсь!

– Послушай, Элен, а какое мне лучше взять ружье или пистолет?

– Что? На кой черт тебе ружье?

– Ну как же? Я ведь неизвестно с чем там могу столкнуться. Дикие звери и все такое. Мастер Мэтсон подтвердил, что мы должны опасаться диких животных.

– Я сомневаюсь, что он посоветовал бы тебе брать с собой ружье. Судя по его репутации, Мэтсон – человек практичный. В этом путешествии, дите ты малое, тебе отводится роль кролика, пытающегося убежать от лисы. Запомни, ты – не лиса.

– В смысле?

– Твоя единственная задача – остаться в живых. Не проявлять чудеса храбрости, не сражаться, не покорять планету, а только остаться в живых. В одном случае из ста ружье может

⁵ Твидлдам – персонаж английского детского стишка (в русском переводе Д. Орловского – Труляля). Белый Рыцарь – персонаж повести Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье».

спасти тебе жизнь, в остальных девяноста девяти оно лишь втянет тебя в какую-нибудь глупую историю. Мэтсон, без сомнения, взял бы ружье, да и я тоже. Но мы-то уже стреляные воробьи, мы знаем, когда не надо им пользоваться. И еще учти. В зоне проведения испытаний будет полно молодых сопляков, которым не терпится пострелять. Если тебя кто-нибудь подстрелит, уже не будет иметь никакого значения, есть у тебя ружье или нет, – ты будешь мертв. Но если оно у тебя будет, ты почувствуешь себя таким суперменом и когда-нибудь просто забудешь про маскировку. Когда у тебя нет ружья, ты *знаешь*, что ты – кролик, и ты всегда осторожен.

– А ты сама брала ружье, когда сдавала «выживание»?

– Брала. И потеряла его в первый же день. Чем спасла себе жизнь.

– Как это?

– Я просто убежала от бессмеровского гриффина, а было бы у меня ружье, наверняка попыталась бы его пристрелить. Слышал про бессмеровских гриффинов?

– Э-э-э... Спика-пять?

– Спика-четыре. Я не знаю, как много экзозоологии вам сейчас преподают, но, глядя на наших рекрутов-недоучек, можно подумать, что в рамках этой новомодной системы «функционального образования» вообще запретили учиться и занимаются только развитием нежной трепетной личности. Ко мне однажды попала девица, которая хотела... Впрочем, ладно. Про гриффинов я тебе скажу самое главное: у них попросту нет ни одного жизненно важного органа. Нервная система у этих тварей децентрализована, и система ассимиляции тоже. Есть только один способ быстро убить гриффина – пропустить его через мясорубку, а стрельба для него – как щекотка. Но я тогда этого не знала и, будь у меня ружье, наверняка узнала бы, только вряд ли кому уже рассказала. А так он загнал меня на дерево на трое суток, что пошло на пользу моей фигуре и дало мне время поразмыслить о философии, этике и практических принципах самосохранения.

Род не стал спорить, но по-прежнему считал, что огнестрельное оружие – штука очень удобная и полезная. Когда на бедре висит пистолет, он всегда чувствовал себя выше, сильнее, увереннее – одним словом, хорошо себя чувствовал. И вовсе не обязательно его применять, кроме, может быть, самых крайних случаев. Род прекрасно знал, как важно уметь маскироваться и прятаться; никто в группе не умел подкрадываться так же незаметно, как он. Сестра, конечно, отличный солдат, но и она знает не все...

Однако Элен продолжала:

– Я знаю, какое это приятное чувство, когда на боку пистолет. Сразу чувствуешь, что глаза у тебя мечут молнии, роста в тебе три метра, хвост трубой и весь ты покрыт волосами, как пещерный человек. Ты готов ко всему, и тебе даже хочется приключений. Вот тут-то и кроется опасность, потому что все это тебе только кажется. Ты – слабый, голый эмбрион, которого на удивление легко убить. Ты можешь таскать с собой штурмовое ружье с прецизионным прицелом на два километра и протонные заряды, способные взорвать целую гору, но у тебя все равно нет глаз на затылке, как у птицы-януса, и в темноте ты все равно не видишь, как пигмеи Тетиса. Пока ты целишься во что-нибудь впереди, смерть запросто может подкрасться сзади.

– Да, однако вся твоя рота ходит с ружьями, сестренка.

– С ружьями, радарам, гранатами, приборами ночного видения, газами, помехопостановщиками и еще всякими штуками, которые мы без особой в том уверенности считаем секретными. Ну и что? Тебе же не крепость штурмовать. Иногда мне приходится посылать девчонок на разведку. Задача: попасть туда, заполучить информацию и вернуться живой. Как, ты думаешь, я их снаряжаю?

– Э-э-э...

– А вот как. Прежде всего я никогда не выбираю ретивых молодых рекрутов. Я посылаю кого-нибудь из закаленных ветеранов, которых очень трудно убить. Она раздевается до исподнего, красит кожу в темный цвет – если кожа уже не темная – и отправляется на разведку с голыми руками, иногда босиком, без всего вообще. Я еще не потеряла так ни одного разведчика. Когда ты беспомощен и не защищен, у тебя действительно отрастают глаза на затылке, а нервные окончания сами тянутся во все стороны и буквально ощупывают местность. Мне эту науку преподала, еще когда я сама была хвастливым зеленым рекрутом, сержант, очень опытная женщина, которая по возрасту годилась мне в матери.

На Рода это произвело впечатление, и он медленно произнес:

– Мастер Мэтсон сказал, что, будь его воля, он отправил бы нас на испытания с голыми руками.

– Доктор Мэтсон – разумный человек.

– Хорошо, а что бы взяла ты сама?

– Повтори мне условия.

Род перечислил пункты объявления об экзамене. Элен сдвинула брови:

– Не так уж много данных... От двух до десяти дней означает, скорее всего, пять. Климат вряд ли будет слишком суровый. Я надеюсь, у тебя есть термокостюм.

– Нет, но у меня есть военный комбинезон. Я подумал, что возьму его с собой, а затем, если зона испытаний окажется не очень холодной, оставлю у ворот. Жалко будет его потерять: он всего полкило весит, да и стоит недешево.

– На этот счет не беспокойся. В чистилище хорошая одежда все равно ни к чему. Ладно, кроме комбинезона, я бы взяла еще четыре килограмма продовольствия, пять литров воды, два килограмма всякой всячины, вроде таблеток, спичек и прочих мелочей – все в жилете с карманами, – и нож.

– Это не так много на пять дней, тем более на десять.

– Но это все, что ты сможешь унести, не потеряв способности быстро передвигаться. Давай-ка посмотрим, что у тебя за нож.

У Рода было несколько ножей, но один он считал действительно своим – изящный, на все случаи жизни, с лезвием из молибденовой стали в двадцать один сантиметр длиной и отличной балансировкой. Он передал нож сестре, и она качнула его на ладони.

– Неплохо, – сказала Элен и огляделась.

– Вон там, у вытяжки, – подсказал Род.

– Вижу. – Она метнула нож, и лезвие, воткнувшись в мишень, вздрогнуло и зазвенело. Элен протянула руку вниз и достала из сапога еще один. – Этот тоже неплох. – Второй нож воткнулся в мишень на расстоянии ширины лезвия от первого.

Элен выдернула их и, взяв в каждую руку по ножу, остановилась посреди комнаты, оценивая балансировку каждого, затем перевернула свой рукоятью вперед и протянула Роду.

– Это мой любимый нож, «Леди Макбет». Я брала его с собой, когда сдавала «выживание». Возьми, он тебе пригодится.

– Ты хочешь поменяться ножами? Ладно. – Роду было немного жаль расставаться с «Полковником Боуи», и он опасался, что другой нож может его подвести, но от такого предложения не отказываются. Во всяком случае, когда предлагает родная сестра.

– Бог с тобой! Разве я могу лишиться тебя твоего собственного ножа, да еще перед самым «выживанием»? Возьми оба, малыш. Ты не умрешь с голода или от жажды, но запасной нож, может статься, окажется для тебя дороже, чем его вес в тории.

– Спасибо, сестренка. Но я тоже не могу взять твой нож: ты говорила, что вас ждут скоро активные действия. Возьму запасной из своих.

– Мне он не понадобится. Девчонки годами уже не дают мне случая воспользоваться ножом. Так что пусть «Леди Макбет» будет на экзамене с тобой. – Она вытащила из сапога ножны, спрятала туда нож и вручила его Роду. – Носи на здоровье, брат.

Глава 3

Через туннель

На следующее утро Род прибыл к воротам «Темплтон», чувствуя себя далеко не в лучшей форме. Он собирался хорошенько выспаться перед испытанием, но приезд сестры и ошеломляющие семейные перемены эти планы нарушили. Как большинство детей, Род воспринимал семью и дом как нечто незыблемое. Он не особенно много думал об этом и на сознательном уровне не особенно ценил то, что у него есть, – не больше, скажем, чем рыба думает о воде. Семья, дом – они просто всегда были.

А теперь вдруг исчезли.

Они с Элен проговорили допоздна, и у сестры в конце концов появились серьезные сомнения насчет того, стоило ли сообщать Роду о переменах накануне экзамена. Незадолго до того она все взвесила и решила, что так «правильно», а чуть позже действительность в который раз продемонстрировала ей горькую древнюю истину: «правильное» и «неправильное» иногда познается лишь задним умом. Просто нечестно, подумалось ей, забивать Роду голову сомнениями и переживаниями перед самым экзаменом. Но и отпустить его, ничего не сказав, чтобы он вернулся потом в опустевший дом, тоже казалось нечестным.

А решать надлежало ей. Еще в первой половине того дня она стала его опекуном. Необходимые бумаги были уже подписаны и скреплены печатями; суд это решение утвердил. И теперь Элен вдруг обнаружила, что жизнь «родителя» состоит отнюдь не из одних лишь удовольствий. Гораздо больше это напоминало душевные переживания, выпавшие на ее долю, когда ей впервые пришлось участвовать в заседании трибунала.

Поняв, что ее «ребенок» никак не успокаивается, она настояла, чтобы он лег в постель, и долго гладила по спине, повторяя гипнотические команды: «Спать, спать, спать...» Затем, когда ей показалось, что Род уснул, Элен тихо вышла из комнаты.

Однако Род не уснул; ему просто захотелось побыть одному. И наверно, еще целый час мысли его метались от бесполезных предположений о болезни отца к таким же бесполезным попыткам представить, что ждет его утром... Как, интересно, встретятся они через двадцать лет? Ведь ему будет почти столько же, сколько маме...

Он наконец осознал, что ему надо спать, и принялся внушать себе, что пора успокоиться, изгнать тревожные мысли и уйти в гипнотический транс. Времени на это ушло гораздо больше, чем обычно, но в конце концов Род провалился в большое золотистое облако сна.

Проснулся он лишь от второго сигнала будильника, но даже после холодного колючего душа глаза слипались и очень хотелось спать. Род посмотрел на себя в зеркало и решил, что там, куда он отправляется, можно ходить небритым, да и времени оставалось мало. Потом все-таки решил побриться, болезненно переживая из-за редкой мальчишеской поросли на щеках.

Мама еще не встала, но она никогда и не просыпалась так рано. Отец последнее время почти не завтракал, и Рода вдруг кольнуло воспоминание, отчего это. Но он ожидал, что сестренка все-таки выйдет попрощаться. В довольно мрачном настроении он прошел в столовую, снял крышку со своего подноса и обнаружил, что мама забыла заказать завтрак, а такое на его памяти случалось, может быть, всего раз или два. Род сделал заказ сам и сел ждать – еще десять минут потерянного времени.

Элен – на удивление не в халате, а в платье – появилась, когда он уже собирался уходить.

– Доброе утро.

– Привет, сестренка. Тебе, видимо, придется заказывать утреннюю кормежку самой. Мама забыла, а я не знал, что ты захочешь.

– Я уже давно позавтракала. Ждала, когда ты соберешься. Хотела проводить.

– Ладно. Пока. Я уже опаздываю. Надо бежать.

– Я тебя не задержу. – Она подошла и обняла Рода. – Не дрейфь, парень. Это самое главное. От волнения умирают чаще, чем от ран. И если придется бить, бей ниже пояса.

– Хорошо. Я запомню.

– Запомни. Я продлю свой отпуск, чтобы встретить тебя, когда ты вернешься. – Она поцеловала его и добавила: – А теперь беги.

Доктор Мэтсон сидел за столом рядом с помещением, где выдавали снаряжение, и отмечал в своем списке прибывших. Когда появился Род, он оторвал взгляд от бумаг и сказал:

– Привет, Уокер. Я думал, ты все-таки решил поступить разумно.

– Извините, сэр, что я опоздал. Дома много всякого произошло.

– Не беспокойся. Я однажды знал человека, которого не расстреляли на рассвете, потому что он проспал.

– В самом деле? Кто это?

– Один молодой парень, которого я знал. Я сам.

– Не может быть, сэр. Вы хотите сказать, что вас...

– Увы, я все это придумал. Хорошие истории редко бывают правдивы. Давай беги в амбулаторию и проходи обследование, пока они там совсем не разозлились.

Рода простукивали, просвечивали, затем снимали какие-то волнистые графики мозговой активности и подвергали всяким другим издевательствам, какие обычно придумывают врачи. Старший из них послушал его сердце и потрогал влажную ладонь.

– Боишься, сынок?

– Конечно боюсь, – буркнул Род.

– Ну и хорошо. Если бы ты не боялся, я бы не допустил тебя до экзамена. Что за повязка у тебя на ноге?

– Э-э-э... – Бинтовая повязка скрывала подаренный Элен нож, «Леди Макбет», в чем Род и признался с глуповатым видом.

– Сними.

– Сэр?

– Мне приходилось иметь дело с кандидатами, которые выкидывали подобные фокусы, чтобы что-то скрыть. Так что давай посмотрим.

Род принялся разматывать повязку. Врач молчал, пока не убедился, что Род действительно прячет там нож, а не заживающую рану.

– Можешь одеваться и идти к своему инструктору.

Род надел жилет с карманами, туго набитыми пайками и всякой всячиной, затем пристегнул к ремню флягу – гибкий пояс из пластиковых контейнеров, каждый на пол-литра жидкости. Вес распределялся на два плечевых ремня, и по одному из них, слева, шла трубка, через которую можно было пить, не снимая пояса. Он планировал растянуть этот скудный запас воды на все время испытания, чтобы избежать риска, связанного с грязными водоемами, и еще большей опасности, которая может подстергать у водопоя. Если, конечно, там, куда их отправят, вообще можно будет найти воду.

Вокруг пояса Род обмотал двадцать метров тонкой, легкой, но очень прочной веревки. Трусы, рубаха с длинными рукавами поверх жилета, штаны и сапоги-мокасины – вот и вся экипировка. «Полковник Боуи» висел на поясе. В полном снаряжении Род выглядел несколько полнее, чем на самом деле, но снаружи было видно только нож. Комбинезон он нес на левой руке: очень удобная и полезная штука – капюшон, пристроенные ботинки и

перчатки, которые, однако, можно отстегнуть, если надо делать что-то голыми руками, – но слишком уж теплая, чтобы надевать до тех пор, пока он действительно не понадобится. Род прекрасно понимал, что даже эскимосы боятся потеть.

Доктор Мэтсон ждал у входа на склад.

– Опоздавший мистер Уокер, – прокомментировал он, затем взглянул внимательно на раздутый торс Рода. – Бронежилет, сынок?

– Нет, сэр. Жилет с припасами.

– И сколько ты на себя нагрузил?

– Одиннадцать килограммов. В основном вода и сухие пайки.

– Хм, неплохо. Но снаряжение покажется тебе тяжелее гораздо раньше, чем оно станет легче. Никаких скаутских наборов для первопроходцев? Никаких надувных вигвамов?

– Нет, сэр. – Щеки у Рода налились краской.

– Можешь оставить теплый комбинезон. Я отправлю его тебе домой почтой.

– Спасибо, сэр. – Род передал ему комбинезон и добавил: – Я не был уверен, что он понадобится, но на всякий случай прихватил с собой.

– Он тебе уже понадобился.

– Сэр...

– Сегодня утром я выгнал пятерых, что явились без теплого снаряжения, и еще четверых, что явились со скафандрами. И тех и других за глупость. Им следовало понимать, что школьный совет просто не выбросит их в вакуум, в хлорную атмосферу или еще куда-нибудь в таком же духе без предупреждения об условиях экзамена. Нам нужны выпускники, а не жертвы. А вот холодный климат – это как раз в пределах условий.

Род снова взглянул на свой комбинезон:

– Вы уверены, что он мне не понадобится, сэр?

– Абсолютно. Но если бы ты его не взял, я бы тебя не допустил. А теперь иди получи огнестрельное. Оружейнику не терпится закрыть лавочку. Что ты решил взять?

Род с трудом сглотнул.

– Я решил не брать с собой огнестрельного, Мастер... виноват, доктор.

– Ты можешь смело называть меня по прозвищу, но только после экзамена. Однако твое решение меня заинтересовало. Как ты до этого додумался?

– Мм... видите ли, сэр... Короче, так посоветовала мне сестра.

– В самом деле? Мне непременно нужно встретиться с твоей сестрой. Как ее зовут?

– Штурмовой капитан Элен Уокер, – гордо ответил Род. – Корпус Амазонок.

Мэтсон записал.

– Ладно, иди. Сейчас будут разыгрывать очередь.

Род замялся.

– Простите, сэр, – у него вдруг возникло какое-то недоброе предчувствие, – но, если бы я брал с собой огнестрельное оружие, что бы вы мне посоветовали?

Мэтсон тут же скорчил недовольную мину:

– Я целый год скормливал вам с ложечки все то, что узнал на собственной шкуре. А теперь подходит экзамен, и ты спрашиваешь у меня ответ, который должен знать сам. Я так же не вправе отвечать на твой вопрос, как не вправе был давать вчера советы насчет теплой одежды.

– Извините, сэр.

– Ты можешь, конечно, спросить. Только я на такой вопрос не отвечу. Давай-ка переменим тему. Эта твоя сестра, должно быть, очень славная девушка...

– Да, сэр, так оно и есть.

– М-да. Если бы я встретил такую девушку раньше, возможно, я не был бы сейчас старым чокнутым холостяком... Ладно, иди тщи свой номер. Первый отбывает через шесть минут.

– Да, доктор.

По дороге к воротам Род миновал палатку, что поставил у дверей школьный оружейник, в этот момент он как раз протирал бесшумный «Саммерфилд». Род поймал его взгляд.

– Привет, Пушкарь!

– Привет, парень. По-моему, ты опаздываешь. Что будешь брать?

Род пробежал глазами по рядам сверкающих смертоносных игрушек. Может быть, какой-нибудь маленький игломет с ядовитой обоймой... Ведь вовсе не обязательно его использовать...

Тут он вдруг понял, что доктор Мэтсон все-таки ответил на его вопрос или, во всяком случае, намекнул.

– Нет, спасибо, Пушкарь. У меня уже есть все, что нужно.

– Хорошо. Удачи тебе и возвращайся скорей.

– Спасибо, – еще раз поблагодарил Род и вошел в зал, где размещались ворота.

Факультативный курс слушали более пятидесяти человек; дожидаясь начала экзамена, по залу расхаживали человек двадцать. Не успел Род оглянуться, как его позвал дежурный:

– Идите сюда! Тяните номер!

Номера тянули из большой чаши с капсулами. Род сунул туда руку, достал капсулу и раскрыл.

– Номер семь.

– Счастливый номер. Поздравляю! Ваше имя и фамилия?

Род назвал и повернулся к залу, ища, куда бы присесть, поскольку ждать ему осталось еще минут двадцать. Потом принялся с интересом разглядывать однокашников: кто что посчитал необходимым взять с собой для выживания в «любых условиях».

Иоганн Браун сидел между двух пустых сидений, а причина, почему никто не пожелал занять эти места, устроилась на полу у его ног – здоровый, крепкий боксер с недобрым взглядом. Через плечо у Брауна висела «Молния» модели «Дженерал электрик», тяжелый разрядник с телескопическим прицелом и фокусировкой огневого конуса. Энергоблок Браун надел на спину вместо рюкзака. На пояс он прицепил бинокль, нож, аптечку и три сумки.

Род остановился, с восхищением разглядывая ружье и одновременно прикидывая, сколько же эта замечательная игрушка может стоить. Собака подняла голову и зарычала.

Браун успокаивающе положил руку ей на затылок.

– Держись подальше, – предупредил он. – Тор признает только меня одного.

Род сделал шаг назад.

– А ты неплохо вооружился, Иоганн.

Тот самодовольно улыбнулся:

– Мы с Тором собираемся жить охотой.

– С такой пушкой он тебе просто не нужен.

– Еще как нужен. Он у меня вместо сигнализации. Рядом с ним я могу спать спокойно. Рассказать, что он умеет, так ты не поверишь! Тор ничуть не глупее большинства людей.

– Ничего удивительного.

– Мастер было развыступался, что мы вдвоем, мол, уже группа и должны проходить ворота по отдельности. Ну я ему объяснил, что, если нас попытаются разделить, он тут всех разорвет в клочья. – Браун погладил собаку по ушам. – Так что один Тор стоит целого взвода пехоты.

– Слушай, а дашь попробовать стрелкнуть из этой штуковины? Я имею в виду, когда мы вернемся?

– Ради бога. Отличная игрушка. Воробья в воздухе берет так же легко, как лося за километр... Знаешь, что-то Тор нервничает. Позже поговорим.

Род понял намек, прошел дальше и сел, оглядываясь по сторонам и все еще надеясь найти напарника. Около закрытых ворот стоял священник, на коленях перед ним получал благословение кто-то из экзаменующихся. Еще четверо ждали поодаль.

Затем парень, что был перед священником, поднялся на ноги, и Род торопливо вскочил:

– Эй! Джимми!

Джимми Трокстон обернулся, поискал его глазами и, улыбнувшись, бросился к нему:

– Привет, Род! Я уж думал, что ты увильнул и оставил меня одного. Ты еще ни с кем не договорился?

– Нет.

– Предложение еще в силе?

– А? Конечно!

– Блеск! Я, когда пойду через ворота, могу объявить, что мы в паре, если только у тебя не второй номер. У тебя не второй?

– Нет.

– Отлично. Потому что у меня...

– НОМЕР ОДИН! – выкрикнул дежурный у ворот. – Трокстон, Джеймс.

Джимми Трокстон даже вздрогнул от неожиданности.

– Вот видишь!

Он поддернул пояс с пистолетом, повернулся к раскрытым воротам и, бросив через плечо: «Увидимся на той стороне!» – шагнул вперед.

Род успел крикнуть: «Джимми, как мы найдем!..» – но было уже поздно. Ладно, подумал он, если Джимми хоть что-нибудь соображает, у него хватит ума проследить, куда перемещаются ворота.

– Номер два! Мшийени, Каролина.

В противоположном конце зала поднялась высокая зулусская девушка, о которой Род думал днем раньше как о возможном напарнике, и направилась к воротам. Одета она была в рубашку и шорты – ни обуви, ни перчаток. Оружия тоже не было видно, но в руках Каролина держала небольшую сумку.

– Эй, Кэрл! – крикнул кто-то. – Что у тебя в сумочке?

– Камни, – ответила она с улыбкой.

– Да брось ты! Наверно, сэндвичи с ветчиной. Сбереги один для меня!

– Я сберегу для тебя камень, милый.

Совсем незаметно пролетели минуты, и дежурный выкрикнул:

– Номер семь! Уокер, Родерик.

Род торопливо подошел к воротам. Дежурный сунул ему какую-то бумагу, потом пожал руку:

– Удачи, парень! Не зевай! – С этими словами он хлопнул Рода по спине и подтолкнул к входу.

Оказавшись по ту сторону ворот, Род, к своему удивлению, обнаружил, что по-прежнему находится в помещении. Но еще более неожиданным оказались тошнота и головокружение: сила тяжести была явно меньше земной.

С трудом удерживая внутри себя завтрак, он лихорадочно соображал, что происходит. Где он? На Луне? На одном из спутников Юпитера? Или где-то еще?

Скорее всего, на Луне. Большинство дальних прыжков совершалось через Луну, чтобы избежать ошибок в настройке и не отправить путешественника ненароком куда-нибудь на светило, особенно если система состоит из двух звезд. Но не оставят же его здесь! Мэтсон обещал, что безвоздушных планет не будет.

На полу лежала пустая сумка, и Род догадался, что это, должно быть, сумка Каролины. Наконец он вспомнил про бумагу, что вручили ему при входе, и взглянул на листок.

ЭКЗАМЕН НА ВЫЖИВАНИЕ В ОДИНОЧКУ

Инструкция по возвращению

1. Вы должны пройти через дверь впереди в течение отпущенных вам трех минут – прежде чем появится следующий экзаменуемый. Задержка свыше трех минут означает полную дисквалификацию.

2. Возврат будет объявлен традиционными звуковыми и световыми сигналами. Предупреждение: местность остается опасной и после подачи сигнала.

3. Выходные ворота не будут совпадать со входными. Выход может находиться в пределах двадцати километров в направлении восхода.

4. За воротами нет подготовленной зоны. Испытания начинаются сразу же! Остерегайтесь стоборов. Удачи!

Б. П. М.

Все еще борясь с подступающей тошнотой, Род продолжал разглядывать инструкцию, но тут в противоположном конце длинной узкой комнаты, где он находился, открылась дверь и оттуда донесся мужской голос:

– Быстрее! А то потеряешь право на участие.

Род торопливо бросился вперед, споткнулся, затем, пытаясь сохранить равновесие, перестарался и снова чуть не упал. Ему уже доводилось бывать в условиях пониженной гравитации во время экскурсий, и один раз родители брали его с собой в отпуск на Луну, но он все равно не привык к малой силе тяжести и с трудом доскользил до двери.

За ней оказалось еще одно помещение с воротами. Дежурный взглянул на таймер на стене и сказал:

– Двадцать секунд. Инструкцию надо вернуть.

Род вцепился в лист бумаги. «Двадцать секунд, но мои». *В пределах двадцати километров в направлении восхода...* Условно – на востоке. Пусть будет «восток». Но что это за чертовщина такая – стобор?

– Время! Время! – Дежурный выхватил у него инструкцию, створки откатились в стороны, и Рода толкнули через раскрытые ворота.

Упал он на четвереньки: сила тяжести за воротами оказалась почти земная, и неожиданная перемена застала Рода врасплох. Однако он остался лежать – молча, неподвижно, – потом быстро огляделся. Вокруг раскинулась широкая равнина с высокой травой, кое-где торчали над морем травы деревья и кусты, а дальше начинался густой лес.

Род выгнул шею и посмотрел назад. Планета земного типа; почти нормальная сила тяжести; в небе – солнце, возможно звезда класса G; обильная растительность, но пока никаких признаков фауны, – впрочем, это еще ничего не значит, в пределах слышимости могут бродить сотни зверей. Даже этот чертов стобор.

Ворота остались позади. Их темно-зеленые створки, казалось, вот они – рядом, а на самом деле они были далеко-далеко. Ворота висели над высокой травой, ни на чем не держась, и явно не вписывались в примитивный пейзаж. Зная об их одностороннем контакте с этим миром, Род подумал было отползти за ворота, чтобы, оставаясь невидимым, видеть через занятое ими пространство, кто появится следующим. Эта идея напомнила ему, что сейчас его самого прекрасно видно с той стороны, и он решил двигаться.

Где, интересно, Джимми? Ему следовало бы остаться неподалеку и подождать, когда появится Род. Или же спрятаться где-нибудь поблизости. Единственный верный способ найти друг друга в такой ситуации – это первому подождать второго. Род просто не знал, где искать Джимми.

Он снова огляделся, на этот раз внимательнее, и попытался представить себе, куда мог спрятаться Джимми. Ничего. Никакого намека... Но когда его взгляд вернулся к исходной точке, ворот на месте уже не оказалось.

Род почувствовал, как по его позвоночнику, по кончикам пальцев пробежал холодок страха. Он заставил себя успокоиться, решив, что, возможно, так даже лучше. Исчезновение ворот на самом деле вполне объяснимо: должно быть, их фокусируют заново после каждого испытуемого, чтобы разбросать «выживателей» на расстоянии в несколько километров друг от друга.

Хотя нет, как же тогда «в пределах двадцати километров к восходу»? Это ведь совсем небольшая зона.

Или... Может быть, все получили разные инструкции? В конце концов он признал, что ничего не знает наверняка, и от этого стало даже как-то спокойнее. Род не знал, где он сам, где Джимми или кто-нибудь из его группы. Не знал, что его здесь ждет. В одном лишь он не сомневался: человек может здесь выжить, если будет достаточно сообразителен. И удачлив.

Сейчас перед ним стояла только одна задача: выжить в течение – пусть будет по максимуму – десяти земных дней. Он выбросил мысль о Джимми Трокстоне из головы, выбросил вообще все лишние мысли, оставив только необходимость постоянно быть настороже. Заметив по склоненным венчикам травы направление ветра, он – где ползком, где на четвереньках – двинулся в ту же сторону.

Решение далось нелегко. Первой мыслью было пойти против ветра, потому что это казалось естественным направлением для хищника. Но очень кстати пришелся совет сестры: без ружья или пистолета он чувствовал себя обнаженным и беспомощным, и это напомнило ему, что он сейчас не охотник. Его запах все равно разнесется ветром, и, двигаясь в ту же сторону, он, по крайней мере, мог рассчитывать заранее увидеть подкрадывающегося хищника, тогда как незащищенный тыл будет в относительной безопасности.

Что это такое там дальше, в траве?

Род замер, напряженно вглядываясь вперед. И точно: среди стеблей он заметил какое-то непонятное движение. Род насторожился и продолжал ждать. Вот опять, что-то движется впереди, справа налево. словно темный стебель с пучком растительности на конце – возможно, задранный хвост.

Он так и не узнал, что там бродил за зверь, да еще с таким странным хвостом – если это в самом деле был хвост. Существо остановилось точно напротив него по ветру, а затем рванулось в сторону и скрылось из виду. Род выждал несколько минут и пополз дальше.

Жара стояла невыносимая, рубашка и штаны вскоре пропотели насквозь. Очень хотелось пить, но Род держался, напоминая себе, что пяти литров не хватит надолго, если он начнет расходовать воду в первый же час. Небо затянуло пеленой перистых облаков, но светило – или «солнце», как он решил его называть, – палило нещадно даже через облачный покров. Солнце висело позади, низко над горизонтом, и Род невольно представил себе, какое будет пекло, когда оно окажется в зените. Утешало лишь то, что до леса было не так уж и далеко, а лес обещал прохладу. Или, во всяком случае, шанс избежать солнечного удара.

Прямо по ходу травяное поле плавно спускалось в небольшую низину, и над этой низиной без конца кружили похожие на ястребов птицы. Не двигаясь с места, Род продолжал наблюдать. «Да, братцы, – пробормотал он вполголоса, – если вы ведете себя так же, как наши земные стервятники, значит там впереди кто-то мертвый, и вы, прежде чем начать свое пиршество, хотите убедиться, что он действительно мертв. Если так, я, пожалуй, поползу стороной и подальше. Не ровен час, нагрянёт еще кто-нибудь, а мне что-то ни с кем не хочется встречаться...»

Он двинулся вправо, немного наперерез легкому ветерку, и в конце концов оказался рядом с каменистой осыпью на гребне невысокого холма. Решив посмотреть, что происхо-

дило внизу, Род перебрался, прячась за камни, ближе к краю осыпи и затаился под торчащим обломком.

Издалека казалось, что на земле лежит взрослый человек, а рядом с ним ребенок. Покопавшись в своих многочисленных карманах, Род извлек маленькую подзорную трубу с восьмикратным увеличением и пригляделся получше. «Взрослый» оказался Иоганном Брауном, «ребенок» – его собакой. Оба, без сомнения, были мертвы. Браун лежал, как тряпичная кукла, которую небрежно швырнули на пол: голова неестественно повернута почти на сто восемьдесят градусов, одна нога загнута назад. Горло и пол-лица – сплошное темно-красное пятно.

Пока Род наблюдал, откуда-то появилось похожее на собаку существо, обнюхало боксера и вцепилось в труп зубами, а следом за ним, присоединяясь к пиршеству, спустился на землю и первый стервятник. Чувствуя подкатившую тошноту, Род опустил трубу. Да, бедняга Иоганн протянул недолго – может быть, на него напал тот самый стобор, – и даже его умный пес не смог ему помочь. Жаль. Но это доказывало, что в округе водятся крупные хищники, и лишний раз напоминало Роду, как осторожно надо себя вести, если он не хочет, чтобы шакалы и стервятники дрались из-за его останков.

Затем он вспомнил еще кое-что и вновь прильнул к окуляру. Великолепной «Молнии» Иоганна нигде не было видно, как и энергоблока к ружью. Род тихо присвистнул и задумался. Хищник, которому могло пригодиться ружье, без сомнения, передвигается на двух ногах. Род тут же вспомнил, что «Молния» бьет наповал почти на любом расстоянии в пределах прямой видимости, и теперь эта опасная игрушка оказалась в руках человека, который решил воспользоваться отсутствием закона в зоне проверки на выживание.

В данной ситуации единственное, что ему оставалось, – это не маячить в пределах прямой видимости. Род сполз по рассыпанным камням и спрятался в кустах.

До леса оставалось меньше двух километров, и Род двинулся дальше. Оказавшись уже совсем рядом, он вдруг осознал, что солнце вот-вот сядет. Беспокойство гнало его вперед, заставляя торопиться и пренебрегать осторожностью. Ведь он собирался провести ночь на дереве, а забираться лучше всего еще засветло. Ночевать на земле, в незнакомом лесу, казалось еще опаснее, чем прятаться в траве.

Разумеется, он не потратил весь день только на то, чтобы добраться до леса. Хотя они прошли ворота «Темплтон» еще утром, то суточное время не имело никакого отношения к времени здешнему. Сюда его выбросили ближе к концу дня, и, когда Род достиг первых высоких деревьев, уже почти смеркалось.

Вернее, было уже темно, и он решил рискнуть, потому что ничего другого не оставалось. Остановившись на границе леса, все еще в высокой траве, Род извлек из кармана складные «кошки». Сестра убедила его не брать с собой множество всяких приборчиков и приспособлений, но против «кошек» она не возражала. Это нехитрое приспособление для лазанья по столбам придумали очень давно, но Род выбрал улучшенную, уменьшенную и облегченную конструкцию – вместе с креплениями пара «кошек» из титанового сплава весила не больше ста граммов. Кроме того, они очень компактно складывались.

Род разложил их и, защелкнув крепления вокруг лодыжек и под стопами, затянул ремни потуже. Затем еще раз оглядел выбранное дерево – высокое, с развесистой кроной и стоящее достаточно далеко в глубине леса, чтобы в случае чего можно было воспользоваться «черным ходом», то есть перелезть на соседнее. Высокий, но не очень толстый ствол – он вполне мог обхватить его руками.

Прикинув маршрут, Род выпрямился и затрусил к ближайшему дереву, обогнул его, потом повернул налево к следующему, обогнул и это и наконец взял чуть правее, нацелясь на то, которое выбрал. Но когда до дерева оставалось метров пятнадцать, что-то рванулось из темноты прямо на него.

Оставшееся расстояние он преодолел за одно мгновение – возможно, даже быстрее, чем сработала бы гиперпространственная машина Рамсботхэма, – и добрался до первого сука в десяти метрах от земли, буквально взлетев. Дальше Род карабкался более привычным способом – всаживая когти в гладкую кору дерева или опираясь ногами на сучья, когда они стали попадаться достаточно часто.

Метрах в тридцати от земли он наконец остановился и посмотрел вниз. Сучья мешали, и под деревьями было гораздо темнее, чем на открытой местности, однако Роду все же удалось разглядеть расхаживающего там обитателя леса, что почтил его своим вниманием.

Он попытался найти точку, с которой будет лучше видно, но света с каждой минутой становилось все меньше. Хищник здорово напоминал... Одним словом, если бы Род не был уверен, что его забросили на неосвоенную планету бог знает как далеко от дома, он бы сказал, что это лев.

Только в несколько раз больше, чем обычно бывают львы.

Оставалось надеяться, что зверюга не лазит по деревьям. Впрочем, напомнил себе Род, будь это зверю под силу, он бы уже пять минут назад переваривался в желудке хищника. Понимая, что нужно устроить место для ночлега до полной темноты, он полез выше, выискивая удобные сучья.

В конце концов, когда уже казалось, что придется спускаться ниже, Род нашел то, что искал, – два крепких сука как раз на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было повесить гамак, – и принялся за дело наперегонки с наступающей темнотой: достал из кармана жилета гамак-паутинку из прочных, как паучий шелк, волокон и почти такой же легкий и тонкий, затем размотал веревку на поясе, привязал гамак к сучьям и попробовал туда влезть.

Не тут-то было. Для хорошего акробата с цепкими пальцами это не составило бы труда. Эквилибрист, привыкший ходить по канату, просто прошел бы по суку и забрался в гамак. Но Род едва не свалился с дерева: нужно было за что-то держаться.

Гамак – штука практичная, и Роду уже приходилось спать в гамаке. Сестра тоже одобрила его выбор, заметив, что у него он даже лучше, чем те, которые выдавали им.

– Главное, не садись, когда проснешься, – добавила она.

– Не буду, – заверил ее Род. – Кроме того, я всегда пристегиваю нагрудный ремень.

Но никогда раньше ему не приходилось забираться в гамак в таких условиях: встать под гамаком не на что, а верхние сучья слишком высоко. После нескольких неуклюжих попыток, от которых сердце то и дело уходило в пятки, он уже начал думать, что придется провести всю ночь на суку, как птица, или оседлать его, прислонившись спиной к стволу. Спускаться вниз, когда там бродит эта тварь, было просто невыносимо.

Высоко над гамаком торчал еще один сук. Может быть, если перекинуть через него веревку, а затем, держась за нее...

Попробовал. Но уже совсем стемнело, и веревку он не потерял только потому, что другой ее конец крепил гамак к сучьям. Род наконец сдался и решил попытаться в последний раз. Держась изо всех сил руками по обе стороны от веревки у изголовья, он медленно, осторожно опустил в гамак ноги и стал сползать сам. Вот он уже наполовину в гамаке... Дальше требовалось лишь следить, чтобы центр тяжести тела оставался низко, и не делать никаких резких движений, пока он сползает в свой паутинчатый кокон.

Почувствовав, что устроился надежно, Род глубоко вздохнул и позволил себе расслабиться. В первый раз за весь день ему было и удобно, и спокойно.

С минуту он упивался отдыхом, а после, отыскав губами ниппель трубки от канистры с водой и сделав два осторожных глотка, занялся приготовлением ужина. Для этого нужно было лишь извлечь из кармана четвертькилограммовый брусок походного концентрата: тысяча сто калорий в белках, жирах, углеводах и глюкозе плюс необходимые добавки.

Этикетка на обертке, уже неразличимая в темноте, сообщала, что концентрат «хорош на вкус, возбуждает аппетит и имеет приятную консистенцию», хотя на самом деле положить перед настоящим гурманом этот концентрат и старую подметку, так еще неизвестно, что тот выберет.

Но, как говорится, голод – лучшая приправа. Род не уронил ни крошки и, когда доел, даже облизал обертку. Очень хотелось вскрыть новый пакет, но он подавил в себе это предательское желание и лишь отпил еще один глоток воды, а затем натянул над головой москитную сетку и пристегнул ее к ремню на груди. Его иммунная система могла справиться с большинством земных болезней, которые передаются через насекомых, а инфекционные заболевания Внеземелья почти никогда не причиняли человеку вреда, но все равно не хотелось, чтобы местные ночные кровососы рассаживались на лице и устраивали себе кормежку.

Даже в легкой одежде было слишком жарко, и Род уже начал подумывать, а не раздеться ли ему до трусов: планета – или, во всяком случае, эта ее часть – здорово напоминала тропики. Но снимать рубашку, жилет с припасами и брюки, лежа в гамаке, казалось почти невыполнимой задачей, и он решил, что проведет первую ночь как есть, пусть даже придется попотеть и потратить лишний литр воды.

Интересно, что это за планета, подумал Род, пытаясь разглядеть небо сквозь пышную крону в надежде отыскать знакомые звезды. Но или крона была слишком густой, или небо затянуло облаками, только он ничего не увидел. Выбросив из головы все лишние мысли, Род попытался уснуть.

Прошло десять минут, сон по-прежнему не шел, и он лежал, вслушиваясь в ночь еще более настороженно. Занимаясь своим гамаком, а затем ужином, Род почти не обращал внимания на далекие звуки; теперь же все ночные голоса словно приблизились. Насекомые жужжали, гудели и пели, шелестела листва, а внизу кашлял какой-то невидимый зверь. В ответ на кашель вдруг раздался безумный хохот – он становился все громче, потом так же неожиданно стих, перейдя в сдавленный астматический хрип.

Роду очень хотелось верить, что это всего лишь какая-нибудь птица.

Затаив дыхание, он невольно продолжал вслушиваться в близкие и далекие звуки, затем, спохватившись, приказал себе успокоиться. По крайней мере девять десятых потенциальных врагов ничем не могли ему угрожать. Даже змея, если такие тут водятся, вряд ли заберется в гамак, и уж совсем маловероятно, что она нападет, если он будет лежать неподвижно. Змеи, хоть у них и крошечные мозги, редко интересуются чем-то большим, чем они способны проглотить. И едва ли в этой кроне прячется какое-нибудь существо, достаточно крупное, чтобы быть опасным, или достаточно заинтересованное в нем как в жертве. «Так что, приятель, – сказал себе Род, – не обращай внимания на все эти странные звуки и спи. В конце концов, шум от транспорта в городах бывает и хуже».

Вспомнилась лекция Мастера о вреде лишних тревог, об опасностях, подстерегающих человека, когда тот слишком быстро приходит в возбуждение и слишком долго ждет в напряжении. Как сказала сестра, от волнения умирают чаще, чем от ран. Род снова попытался заснуть.

И это ему почти удалось. Из сладкой полудремы его вырвал новый донесшийся изда-лека звук, и он невольно привстал, вслушиваясь. Казалось, это человеческий голос – да, и в самом деле человеческий... Истошный плач взрослого человека, безудержное, надрывное рыдание.

Род просто не знал, что делать. С одной стороны, это его не касается, здесь каждый сам за себя, но слышать эту жуткую агонию и ничего не предпринимать... Может, надо слезть и отыскать в темноте этого беднягу? Спотыкаясь о корни, напомнил он себе, проваливаясь в ямы и, возможно, двигаясь в пасть какой-нибудь большой и голодной твари...

Что же делать? Имеет ли он право не помочь?

Вопрос решился сам собой. На плач вдруг ответили плачем – теперь гораздо ближе и громче. Этот голос уже не походил на человеческий, хотя чем-то напоминал первый, и от неожиданности Род чуть не вывалился из гамака. Спас ремень.

Затем ко второму голосу присоединился третий, снова далекий, и спустя несколько секунд ночную тишину заполнили всхлипы и дикий вой, – казалось, ужас, агония, непереносимое горе охватили всю равнину. Теперь уже Род понял, что это не люди, но ничего подобного он за всю жизнь никогда не слышал. И не припоминал, чтобы кто-то о таком рассказывал. Наверно, это и есть те самые стоборы, о которых его предупреждали, неожиданно решил он.

Но что они собой представляют? Как избежать встречи с ними? Ближайший голос, казалось, доносился даже откуда-то сверху, может быть с соседнего дерева. Или с *этого*?

Что делать, если столкнешься со стобором в темноте? Плунуть ему в глаза? Или пригласить его на тур вальса?

В одном только Род не сомневался: тварь, которая так разоряется ночью в джунглях, скорее всего, ничего не боится. Следовательно, бояться должен он. Но делать было нечего, и Род по-прежнему лежал неподвижно. Его страх выдавали лишь напряжение мышц, гусиная кожа и холодный пот. Адский концерт продолжался, и ближайший стобор вопил чуть ли не над самым ухом. Во всяком случае, так Роду казалось.

Еще немного, и он, наверное, отрастил бы крылья и взлетел. До этого ночевать одному в лесу ему доводилось лишь на Земле, на Северо-Американском континенте. Там опасности известны, да и не так велики: вполне предсказуемые медведи, изредка – ленивая гремучая змея; встречи с ними избежать было нетрудно.

Но как можно обезопасить себя от чего-то совершенно неизвестного? Стобор – Род решил, что так и будет называть этого ночного зверя, – возможно, прямо сейчас подбирается к нему все ближе и ближе, разглядывает в темноте и думает, утащить ли его в берлогу или сожрать на месте.

Может, надо куда-то перебраться?.. Но вдруг он попадет прямо в когти стобору? Что ж, беспомощно ждать, когда зверь ударит его лапой? Может быть, стоборы не нападают на деревьях... Но ведь, может, и наоборот, они только здесь и охотятся, а его единственная надежда – спуститься как можно скорее вниз и провести ночь на земле...

Что за зверь этот стобор? Как он охотится? Где и когда опасен? Очевидно, Мастер предполагал, что вся группа знает ответы на эти вопросы. Может, они проходили стоборов как раз в те дни после Нового года, когда его не было в школе? Или он просто забыл... а теперь поплатится за это своей жизнью. Род неплохо разбирался в зоологии Внеземелья, но это слишком обширная область знаний, чтобы усвоить их все. Да что там говорить: даже земная зоология нередко преподносила ученым прошлого загадки. А тут десятки планет – кто в состоянии запомнить так много?

Это просто несправедливо!

Когда у него в мыслях всплыл этот древний и бесполезный протест, Роду вдруг привиделся Мастер с его доброй, насмешливой улыбкой, и он услышал его сухое ворчание: «Справедливость? Неужели ты ждал еще и справедливости, сынок? Это не игра. Я ведь пытался убедить тебя, что твое место в городе, что ты слишком мягок и неразумен для такой жизни. Но ты меня не послушал».

Род почувствовал, что зол на своего инструктора, и страх уступил место раздражению. Джимми прав: этот съест родную бабку и не поморщится. Холодная бесчувственная рыба!

Однако ладно. Как бы на его месте поступил Мастер?

И снова ему послышался голос Мэтсона, когда тот отвечал на вопрос, заданный кем-то из класса: «Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть».

Род немного поворочался и, положив руку на рукоять «Полковника Боуи», снова попытался уснуть. Из-за сумасшедшего гвалта это было почти невозможно, но в конце концов он решил, что стобор на его дереве – или на соседнем? – вроде бы не приближается. Впрочем, и без того казалось, что, подползи зверь чуть-чуть ближе, Род уже почувствует его дыхание. Но нападать он, похоже, не собирался, и на том спасибо.

Спустя какое-то время Род и в самом деле заснул, хотя легче от этого не стало. Ему снилось, что хнычущие, улюлюкающие стоборы окружили его плотным кольцом и, глядя из темноты, ждут, когда он шевельнется. Однако Род был связан по рукам и ногам и не мог сдвинуться с места.

Когда же он поворачивал голову, чтобы узнать, как все-таки выглядит стобор, они отступали в темноту, и он каждый раз успевал заметить только красные глаза и длинные зубы. Это было хуже всего.

Проснулся он неизвестно от чего, весь в холодном поту. Попытался подняться, но ремень удержал его на месте, и Род заставил себя лечь. Что произошло? Что его разбудило?

Со сна он не сразу понял, что случилось. Прекратился гвалт. Ни одного стобора – ни близкого, ни далекого – не было слышно. Это насторожило Рода еще больше: воющий стобор выдает себя голосом, а вот молчащий мог скрываться где угодно. Возможно, ближайший к нему сидит на суку прямо у него над головой. Род выгнул шею и, чтобы лучше видеть, убрал москитную сетку, но все равно было слишком темно. Кто их знает, может, они сидят там уже по трое в ряд...

Впрочем, наступившая тишина вскоре подействовала на Рода успокаивающе, и он стал прислушиваться к другим ночным звукам, казавшимся почти безобидными после той адской какофонии. Род решил, что вот-вот наступит утро и лучше будет больше не засыпать.

Потом уснул.

Во второй раз он проснулся от ощущения, что на него кто-то смотрит. Вспомнив, где он находится, и поняв, что еще темно, Род подумал, что ему опять приснилась какая-то муть. Он поворочался, повертел головой и снова попытался заснуть.

Нет, кто-то и в самом деле на него смотрит!

Глаза привыкли наконец к темноте, и он разглядел на суку у ног какой-то темный ком. Черное на черном – он даже не мог сказать с уверенностью, как существо выглядит. Но два чуть светящихся глаза не мигая глядели на него в упор.

«Делать мне ничего не оставалось, и я прилег вздремнуть». Роду это было не под силу. Казалось, целую вечность они с неизвестным существом смотрели друг на друга, не отводя взгляда. Род сжал пальцы на рукоятке ножа и замер, борясь с оглушительным стуком сердца и пытаясь сообразить, как он будет отражать нападение, лежа в гамаке. Зверь тоже не шевелился и не издавал ни звука. Просто глядел, и похоже было, собирался просидеть так всю ночь.

Испытание нервов тянулось невыносимо долго, и Род уже готов был закричать, чтобы прекратить это издевательство, но тут зверь, едва слышно царапая когтями, двинулся к стволу и исчез. Род почувствовал, как спружинил сук, и понял, что существо весит по крайней мере столько же, сколько он сам.

Он снова решил не засыпать. Небо вроде бы стало чуть светлее. Род пытался убедить себя в этом, но все равно не видел даже своих рук. Оставалось считать до десяти тысяч – и тогда придет заря.

Неожиданно вниз по стволу дерева скользнуло что-то очень большое, за ним еще одно такое же существо и еще. Не останавливаясь у гамака Рода, они бесшумно спустились вниз. Род с облегчением сунул нож обратно в ножны и пробормотал: «Ну и соседи попались!»

Носятся тут...» Он подождал еще немного, но наверх торопливая процессия так и не вернулась.

В третий раз его разбудил яркий солнечный луч. Род чихнул и открыл глаза. Попытался встать, и снова его удержал на месте ремень безопасности. Наконец он совсем проснулся и тут же об этом пожалел: нос был забит, глаза слезились, во рту стоял отвратительный привкус, на зубах налипла какая-то гадость, и в довершение всего болела спина. Он попробовал изменить позу и обнаружил, что ноги болят тоже. И руки, и голова. Шея просто не поворачивалась.

Тем не менее Род был просто счастлив, что долгая ночь закончилась. Мир вокруг уже не казался угрожающим – скорее идиллическим. Забрался Род так высоко, что за ветками даже не видел земли внизу, но все равно оставался под плотной лиственной крышей джунглей, за которой не проглядывало ни кусочка неба, – он словно плавал в зеленом облаке. Деревья настолько плотно закрывали небо, что утренний луч, коснувшийся его лица, оказался единственным, проникшим так глубоко вниз.

Это напомнило Роду, что надо бы запомнить, где восходит солнце. Оказалось, это не так просто. Солнце едва ли можно будет увидеть с земли... Может быть, пока оно не поднялось слишком высоко, есть смысл быстро слезть и выбежать посмотреть на равнину?.. Потом он заметил, что яркий луч светит как раз из развилки в кроне еще одного лесного гиганта, стоящего в пятнадцати метрах от его дерева. Отлично, решил Род, будем считать, что это дерево «стоит к востоку»; позже на земле можно будет заметить направление.

Выбираться из гамака оказалось не легче, чем влезать в него, да и разболевшиеся мускулы отчаянно протестовали против такого насилия. Но в конце концов Род выбрался, с трудом удерживая равновесие, уселся на сук и пополз к стволу. Там он выпрямился, преодолевая боль в мышцах, и, держась за ствол, сделал несколько приседаний, чтобы хоть немного размяться. Постепенно боль унялась, и только шея по-прежнему ныла.

Сидя спиной к стволу, Род позавтракал и выпил немного воды. На этот раз он даже не особенно прислушивался к тому, что происходило вокруг, рассудив, что ночные охотники уже спят, а дневные вряд ли гонятся за жертвами по верхушкам деревьев – во всяком случае, крупные, которым положено охотиться на земле, ловить травоядных. Да и выглядело его зеленое укрытие слишком мирно, чтобы таить какую-либо угрозу.

Род закончил завтрак, но продолжал сидеть, раздумывая, не выпить ли еще воды и не забраться ли опять в гамак. Предыдущая ночь показалась ему самой длинной в его жизни, но он смертельно устал, а дневная духота и жара уже давали о себе знать. Хотелось лечь и уснуть. Да и почему нет? Ведь у него одна задача – выжить, а проспав еще несколько часов, он даже сэкономит воду и пищу.

Возможно, Род так бы и поступил, но он не знал, сколько сейчас времени. Часы показывали без пяти двенадцать, но как узнать – полдень это воскресенья или полночь наступающего понедельника? Он не сомневался, что планета вращается медленнее Земли: ночь тянулась, наверное, целые земные сутки.

Значит, испытания продолжались уже по крайней мере двадцать шесть часов; возможно, даже все тридцать восемь, а сигнал к возвращению могут дать в любое время через сорок восемь часов после начала экзамена. Не исключено, что сигнал будет уже сегодня, до заката, а он пока что живой и прекрасно себя чувствует, еды достаточно и еще вдоволь чистой воды.

От этих мыслей настроение у него заметно улучшилось. Что такое какой-то стобор по сравнению с человеком? Разве что голос громкий.

Однако до выходных ворот может быть километров двадцать к «востоку» от точки выброски. Значит, нужно пройти километров десять, и когда появятся ворота, он наверняка

окажется в километре или двух от них. Надо двигаться, а затем окопаться и ждать. Может быть, он уже сегодня будет спать дома – разумеется, после горячей ванны.

Род принялся отвязывать гамак, напомнив себе, что надо заметить время от восхода до заката, чтобы определить продолжительность здешних суток. Потом эта мысль забылась, потому что ему никак не удавалось сложить гамак, а сложить его нужно было очень аккуратно, иначе он просто не поместился бы в карман. Лучше всего, конечно, в таком случае расстелить его на столе, но здесь самой большой ровной поверхностью служила его ладонь.

В конце концов Род справился, с грехом пополам запихал гамак на место и полез вниз. На самом нижнем суку он остановился и внимательно огляделся: огромной голодной твари, что погналась за ним вечером, нигде не было видно, но кто его знает – кустарник внизу здорово разросся. Род заметил себе, что здесь ни в коем случае нельзя уходить слишком далеко от деревьев, на которые, если что, можно взобраться. А то замечтаешься, и привет...

Ладно, теперь сориентироваться... Где там дерево, которое отмечает «восток»? Это? Или вот то? Род понял, что запутался, и отругал себя за то, что не воспользовался компасом сразу. По правде сказать, он просто забыл наверху про компас. Теперь же от него никакого толку, поскольку восток по компасу вовсе не означает ту сторону, откуда на этой планете восходит солнце, а вниз, под кроны деревьев, лучи светила не проникали – весь лес стоял окутанный призрачным мистическим светом, не дававшим теней.

Впрочем, открытая равнина не так далеко. Нужно будет выбраться и проверить. Род спустился к самой земле, спрыгнул в мягкий пружинистый мох и двинулся, как ему показалось, к равнине, считая шаги и настороженно глядя по сторонам.

Через сто шагов он остановился и пошел обратно. Отыскал «свое» дерево и внимательно осмотрел. Вот здесь он слезал: внизу отпечатались следы. А с какой же стороны он поднимался? От «кошек» должны остаться отметины...

Вскоре Род нашел их и был немало удивлен своим собственным достижением: царапины начинались примерно на уровне его головы. Однако царапины указывали направление, откуда он бежал, и через пять минут Род вышел к равнине, которую пересек днем раньше.

Здесь лежали четкие тени, и Род сверился с компасом. По чистой случайности восток совпадал с «востоком», и теперь оставалось только следовать указаниям стрелки. Дорога вела через лес.

По лесу Род просто шел. Ползти, как днем раньше, уже не было необходимости, но он старался идти бесшумно и поменьше торчать на виду, постоянно оглядывался, сворачивая то вправо, то влево, чтобы быть поближе к деревьям, на которые легко взобраться, и часто сверялся с компасом.

Не забывал он и считать шаги. Полторы тысячи шагов по пересеченной местности – это примерно километр, и Род решил, что пятнадцать тысяч выведут его в район появления ворот, где он планировал устроиться понадежнее и дожждаться возвращения.

Но, даже считая шаги, следя за компасом, высматривая хищников, змей и прочие опасности, Род успевал наслаждаться природой и погодой. Ночные страхи полностью оставили его, настроение поднялось, и казалось, все ему теперь нипочем. Он, конечно, двигался осторожно, старался не терять бдительности, но местность и в самом деле уже не казалась опасной, что бы там ни говорили о стоборах.

Лес, решил он, относится скорее к лесам переменного-влажного типа: растительность была не настолько густая, чтобы приходилось прорубать дорогу. То и дело встречались протоптанные зверьем тропинки, но Род старательно обходил их стороной, опасаясь, что где-нибудь у такой тропинки может притаиться хищник, поджидающий, когда появится его завтрак, – Рода такая роль совсем не прельщала.

Травоядных всяческих форм и размеров тоже хватало. Многие очень напоминали антилоп, но увидеть их было довольно трудно: защитная окраска почти сливалась с раститель-

ным фоном. Однако даже те, которых Род видел мельком, убедили его, что в лесах полно жизни. Этим он тоже обходил стороной – ведь он явился сюда не охотиться и прекрасно понимал, что даже травоядные с их копытами и рогами могут быть опасны – и сами по себе, и тем более в стаде.

Мир над головой был заселен не менее обильно – и птицами, и различными животными, живущими на деревьях. Несколько раз Род замечал семейства похожих на обезьян существ, и у него возникла мысль, что и на этой планете, возможно, развились гуманоиды. «Что же это все-таки за планета?» – подумал он в который раз. Почти Земля с точностью до нескольких знаков после запятой, – кроме непривычно долгого дня. Видимо, ее открыли совсем недавно, иначе тут было бы полно колонистов. Без сомнения, планета высшей категории. Выжечь траву на той большой равнине, где он полз вчера, и получится отличное место для фермы с полями и пастбищами. Может быть, он даже вернется сюда когда-нибудь, чтобы помочь очистить планету от стоборов...

А пока надо смотреть, куда идешь, ни в коем случае не проходить под низкими ветками, не проверив заранее, кто там может прятаться, и вслушиваться, вглядываться в окружающий лесной мир, как пугливый заяц. Теперь Род по-настоящему понял слова сестры, когда та говорила, что человек без оружия сразу становится осторожным: у него вряд ли будет возможность применить оружие, если он позволит хищнику застать себя врасплох.

Именно эта повышенная осторожность заставила Рода понять, что кто-то идет за ним следом.

Поначалу возникло просто легкое предчувствие, но затем оно переросло в уверенность. Род несколько раз останавливался за деревом и, замирая, прислушивался. Дважды он прокрадывался кустами назад и возвращался по своим следам. Но кто бы это ни был, преследователь двигался так же бесшумно и маскировался ничуть не хуже его. Пожалуй, даже лучше.

Род подумал, что, возможно, есть смысл спрятаться на дереве и переждать преследователя, но желание поскорей достичь цели перевесило осторожность. Он убедил себя, что, двигаясь вперед, будет в большей безопасности, и, то и дело оглядываясь, пошел дальше, а спустя какое-то время и вовсе решил, что преследователь отстал.

Пройдя, по своим прикидкам, километра четыре, Род уловил запах воды, а еще через несколько минут вышел к оврагу, тянувшемуся как раз поперек дороги. Следы животных на тропе, выходящей по краю оврага, убедили Рода, что она ведет к водопою, а таких опасных мест, он понимал, надо избегать. Поэтому Род быстро спустился вниз, двинулся по склону оврага в сторону и вскоре оказался у высокого берега, откуда уже был слышен плеск воды.

Подавшись в кусты, Род ползком двинулся к краю. Крутой берег возносился над речкой метров на десять и резко обрывался вниз справа и впереди, где выходил к реке овраг. Там и образовался небольшой затон с водоворотами, облюбованный зверьем для водопоя. Животных не было видно, но на глинистом берегу осталось множество следов копыт.

Нет, он не собирался пить в таком месте: там, где легко пить, слишком легко можно умереть. Но его беспокоило, что место сбора оказалось на той стороне и придется перебираться через поток. Маленькая речка, скорее даже большой ручей – можно легко переплыть или перейти вброд, если найти подходящее место, – но это только на крайний случай, и то сначала нужно будет проверить, бросив в воду приманку, например только что убитое животное... В родных краях такие речушки вполне безопасны, но здесь тропики, и логично будет предположить, что в речке водятся местные разновидности аллигаторов, пираний или еще что-нибудь похуже.

По верхушкам деревьев тоже не перейдешь: слишком далеко берега друг от друга... Лежа в кустах, Род размышлял над неожиданной проблемой, затем решил идти вверх по

течению в надежде, что где-нибудь найдется узкое место или поток разделится на маленькие ручейки, перебраться через которые будет легче...

И это была его последняя мысль.

Очнулся он быстро, без раскачки: рядом стояло и приплюхивалось похожее на шакала существо. Род отмахнулся левой рукой, правой потянулся за ножом. Тварь отскочила назад, зарычала, но потом скрылась в листве.

Нож исчез! Это открытие сразу привело Рода в чувство. Он сел, но голова отозвалась дикой болью, и его качнуло. Род осторожно прикоснулся к затылку – пальцы оказались в крови. Потрогал еще и выяснил, что на затылке огромная, распухшая и очень болезненная шишка, но из-за плотной корки волос, спекшихся от крови, он не мог понять, цел череп или нет. Род не стал мысленно благодарить нападавшего за то, что остался жив: он не сомневался, что этим ударом его хотели убить.

Однако пропал не только нож. Род остался в одних трусах. Пропал драгоценный запас воды, жилет с пайками и десятком других незаменимых вещей: антибиотики, соль, компас, «кошки», спички, гамак – все пропало.

Первый приступ отчаяния тут же сменился злостью. То, что пропало продовольствие и снаряжение, – это вполне понятно: сам виноват, зазевался и забыл, что сзади могут напасть. Но часы, которые подарил ему отец!.. Тут уже чистый разбой, и кто-то за это поплатится!

От злости Род даже почувствовал себя лучше. И только сейчас заметил, что бинтовая повязка на ноге осталась нетронутой.

Коснулся рукой – нож на месте! Напавший на него мерзавец, видимо, решил, что бинт ему ни к чему. Род размотал повязку и извлек из ножен «Леди Макбет».

Кто бы ни был этот человек, он ему дорого заплатит!

Глава 4

Дикарь

Род Уокер сидел на толстом нижнем суку, прячась в листве. Сидел уже два часа неподвижно и готов был, если понадобится, просидеть еще столько же. На поляне перед ним щипали траву несколько годовалых оленей, – во всяком случае, они походили на самцов оленей. Род ждал, когда один из них подойдет поближе: он был голоден.

И очень хотелось воды, потому что за этот день он не пил ни разу. Кроме того, у него подскочила температура – из-за трех длинных, плохо заживших царапин на левой руке. Но на царапины и температуру Род уже не обращал внимания: он все еще был жив и собирался жить дальше.

Один из оленей переместился ближе, и Род напрягся в ожидании удобного момента. Однако олень вскинул голову, бросил на дерево короткий взгляд и отошел в сторону. Похоже, он не заметил Рода, но, очевидно, еще в младенчестве мать научила его остерегаться нависающих ветвей или сотни тысяч поколений, борясь за выживание, отпечатали этот навык в его генах.

Род выругался про себя и снова замер. Рано или поздно один из них сделает ошибку, и тогда он наконец поест. Уже несколько дней Род думал только об одном – о еде, о том, как сохранить свою шкуру, о том, как напиться воды, не подвергаясь нападению из засады, о том, как устроиться на ночь, чтобы не проснуться в брюхе другого лесного хищника.

Заживающие раны напоминали о том, как дорого обошелся один из уроков этой науки: однажды он позволил себе отойти слишком далеко от дерева и в момент нападения даже не успел выхватить нож. Спасло его лишь то, что он сумел каким-то образом допрыгнуть до ветки и подтянуться, несмотря на раненую руку. Зверь, который располосовал ему руку когтями, был, как Роду показалось, той же породы, что гнался за ним в первую ночь. Более того, Род подозревал, что это и в самом деле был лев. У него даже возникла по этому поводу теория, но пока он не решался действовать на основе своих догадок.

За прошедшие дни Род сильно похудел и совсем потерял счет времени. Он понимал, что предельный срок окончания экзамена, скорее всего – нет, почти наверняка – уже прошел, но не помнил точно, сколько времени провел на развилке дерева, ожидая, пока хоть немного заживет рука, или сколько времени прошло с тех пор, как он, гонимый жаждой и голодом, слез. Возможно, думал Род, сигнал к возвращению дали, когда он лежал без сознания. Но сейчас у него были совсем другие заботы, и он почти не вспоминал об этом. Его больше не интересовал экзамен по выживанию – только само выживание.

И несмотря на слабость, шансов у него стало теперь гораздо больше, чем в первый день. Он во многом разобрался, перестал бояться каких-то вещей, что пугали его раньше, и, наоборот, научился относиться с осторожностью к тем, что прежде казались безобидными. Существа с дикими голосами, которых он окрестил стоборами, уже не вызывали у него страха: как-то днем он случайно спугнул такую тварь, и она подала голос. Размером не больше ладони, существо напоминало рогатую ящерицу, только с повадками древесной лягушки. Единственным ее талантом был голос: ящерица раздувала пузырь у шеи чуть ли не в три раза больше собственного объема, а затем выпускала те самые, напугавшие его в первую ночь, вопли.

Больше она ничего не умела.

Род догадался, что это брачная песня, и на том успокоился, хотя по-прежнему называл горластых тварей стоборами.

Узнал он и о свойствах лианы, очень похожей на земную эпимею: ее листья жгли, как крапива, только гораздо сильнее, и на какое-то время оставляли жертву парализованной.

Еще на одной лиане росли большие, напоминающие виноград ягоды, очень симпатичные с виду и довольно приятные на вкус, – Род на собственном опыте узнал, что это сильнейшее слабительное.

Из своих собственных столкновений, едва не закончившихся трагично, и из полусъеденных останков жертв, встречавшихся в лесу, он знал, что в округе водятся хищники, хотя ни разу не видел ни одного толком. Судя по всему, хищных зверей, достаточно крупных, чтобы справиться с человеком, и способных лазить по деревьям, тут не было, но Род не мог знать этого наверняка и всегда спал, как говорится, только одним глазом.

По поведению стада он заключил, что есть хищники, которые охотятся таким же, как и он, способом, но пока судьба миловала, и он с ними не сталкивался... Оленята бродили по всей поляне, даже останавливались иногда под небольшими деревьями, но пока никто из них не польстился на траву под деревом Рода.

Так... Вот, кажется, один приближается... Спокойно... Род ухватил рукоять «Леди Макбет» покрепче и приготовился прыгнуть на спину маленькому грациозному существу, когда оно пройдет под веткой. Но метрах в пяти олененок остановился, понял, похоже, что слишком удалился от стада, и собрался повернуть.

Род метнул нож.

Он услышал хлесткий удар и увидел, что из лопатки животного торчит лишь рукоять, прыгнул в то же мгновение на землю и бросился к оленю, чтобы его прикончить.

Тот вскинул голову, повернулся и побежал. Род прыгнул, но не дотянулся, а когда он перекатился и вскочил на ноги, поляна уже опустела. Род почувствовал горечь и раздражение: он обещал себе никогда не бросать нож, если есть хоть малейший шанс, что он не сможет его вернуть. Но в тот момент он не дал воли чувствам и сразу же принялся искать следы.

Когда-то давно он запомнил первый закон спортивной охоты: раненого зверя обязательно надо выследить и добить; нельзя оставлять его умирать мучительно и долго. Но сейчас ничего спортивного в охоте не было, и Род собрался в погоню, чтобы съесть добычу и – что гораздо важнее – чтобы вернуть свой нож, последнюю надежду на выживание.

Поначалу крови на земле не было видно, да и следы раненого оленя перепутались с сотнями других. Род три раза возвращался к поляне, начиная снова, и только после этого обнаружил первый кровавый след. Дальше стало легче, но Род сильно отстал, и, кроме того, напуганный олень двигался гораздо быстрее, чем он мог идти по следу. Жертва оставалась со стадом до следующей остановки за полкилометра от первой. Разглядывая оленей, Род притаился в кустах на краю поляны, но раненого животного среди них не было.

Странно. Ведь окровавленные следы вели сюда вместе со всеми остальными. Род возобновил преследование, и стадо снова бросилось бежать. Здесь он ненадолго потерял след, а когда снова нашел, обнаружил, что цепочка кровавых пятен ведет в сторону, в кусты. Это делало его работу одновременно и проще, и сложнее: проще, потому что уже не приходилось искать след среди сотен других, и сложнее, потому что продираться сквозь кустарник было трудно и опасно – ведь он сам не только охотник, но и возможная жертва. Кроме того, след в зарослях то и дело терялся. Однако Род не унывал, зная, что только ослабевшее животное покидает стадо, чтобы спрятаться. Скоро, скоро он его отыщет...

Но олень не останавливался. Похоже, он хотел жить не меньше человека. Преследование продолжалось бесконечно, и Род уже начал задумываться, что же делать, если наступит ночь, а олень так и не сдастся. Нож-то, по крайней мере, нужно вернуть во что бы то ни стало.

Неожиданно он увидел второй след.

Кто-то наступил рядом с раздвоенным следом копыта раненого животного прямо на каплю крови. Дрожа от возбуждения и всеми своими чувствами прощупывая лес как радаром, Род бесшумно двинулся вперед. Снова след. Человеческий!

След ботинка. Однако Род одичал настолько, что открытие его даже не обрадовало, а скорее заставило насторожиться.

Спустя двадцать минут он их настиг – и оленя, и человека. Олень лежал на земле – или умер, или его добил второй охотник. Молодой парень – немного моложе его и мельче, оценил Род, – стоял на коленях и вспарывал оленю брюхо. Укрывшись в кустах, Род наблюдал и думал. Вторым охотником слишком увлечен добычей, а сук вот того дерева как раз нависает над прогалиной...

Несколькими минутами позже Род уже притаился на дереве, без ножа, но с длинным острым шипом в зубах. Он взглянул вниз: соперник оказался прямо под ним. Род переложил шип в правую руку и приготовился.

Охотник положил нож на землю, собираясь перевернуть тушу. Род прыгнул.

Он сразу почувствовал бронежилет, скрытый под рубашкой противника, и, мгновенно среагировав, приставил шип к его незащищенной шее.

– Не дергаться, или тебе конец!

Противник тут же прекратил попытки освободиться.

– Вот так-то лучше, – одобрительно произнес Род. – Мир?

Ответа не последовало, и Род прижал шип сильнее.

– Я не шучу, – сказал он строго. – У тебя есть только один шанс остаться в живых. Или ты обещаешь мир и держишь свое слово – тогда мы едим вместе, – или ты никогда больше не ешь. Мне лично абсолютно все равно, что ты выберешь.

Несколько секунд противник не мог решиться, затем сдавленным голосом произнес:

– Мир.

Все еще прижимая шип к шее противника, Род протянул руку и схватил нож, которым тот разделывал оленя, – его «Леди Макбет».

Спрятав его в ножны, он ощупал незнакомца и нашел еще один, на поясе. Достал, бросил шип в сторону и только тогда поднялся.

– Можешь вставать.

Парень поднялся с земли и смерил его хмурым взглядом:

– Отдай мой нож.

– Позже... если ты будешь хорошо себя вести.

– Я же обещал мир.

– Обещал. Повернись спиной, я хочу удостовериться, что у тебя нет пистолета.

– Я все оставил... У меня ничего нет, кроме ножа. Отдай.

– Где оставил?

Парень промолчал.

– Ладно, поворачивайся, – сказал Род, угрожающе выставив вперед нож.

На этот раз тот послушался, и Род быстро ощупал все места, где можно спрятать пистолет, убедившись заодно, что от пояса и выше у незнакомца сплошной бронежилет. Облечение самого Рода состояло из загара, царапин, нескольких шрамов и грязных порванных трусов.

– А тебе не жарко таскать на себе столько металлолома? – спросил он добродушно. – Можешь повернуться. Только не подходи близко.

Парень повернулся, все еще храня мрачное выражение лица.

– Как тебя зовут, приятель? – спросил Род.

– Джек.

– А дальше? Меня зовут Род Уокер.

– Джек Доде.

– Ты из какой школы, Джек?

– «Понсе де Леон».

– А я из школы имени Патрика Генри.

– Из класса *Мэтсона*?

– Точно. У нас сам Мастер преподает.

– Я о нем слышал, – сказал Джек. Заметно было, что это произвело на него впечатление.

– Все слышали. Слушай, хватит болтать, а то скоро тут весь лес соберется. Давай поедем. Ты следи за моей стороной, а я буду следить за твоей.

– Тогда отдай мне мой нож. Как я буду есть?

– Не так быстро. Я тебе отрежу пару кусков. Все будет как в лучших домах.

Род продолжил надрез, начатый Джеком, затем полоснул вверх и, оттянув шкуру с правой лопатки оленя, вырезал два больших куска мяса. Один кинул Джеку, сел на корточки и вцепился зубами в свой, не забывая, однако, глядеть по сторонам.

– Ты следишь? – спросил он.

– Разумеется.

Род оторвал упругий кус теплого мяса.

– Послушай, Джек, как они допустили до экзамена такого зеленого мальчишку? Тебе лет-то сколько?

– Ну уж не меньше, чем тебе!

– Сомневаюсь.

– Твое дело. Главное, допустили.

– Но тебе и на вид-то столько не дашь.

– Я здесь. И я жив.

Род улыбнулся:

– Убедил. Молчу.

Когда первая порция мяса удобно улеглась в желудке, он встал, разбил оленю череп и достал мозг.

– Хочешь половину?

– Спрашиваешь!

Род разделил десерт на две части и отдал одну Джеку. Тот принял свой кусок, задумался на секунду, потом буркнул:

– Соли хочешь?

– Соли? У тебя есть соль?

Джек, похоже, тут же пожалел о своей несдержанности.

– Немного. Не очень нажимай.

Род подставил свой кусок мяса:

– Посыпь чуть-чуть. Сколько не жалко.

Джек сунул руку куда-то между жилетом и рубашкой, извлек походную солонку, посыпал порцию Рода, затем пожал плечами и сыпанул еще.

– Ты что, не взял с собой соли?

– Я? – От такого аппетитного зрелища у него даже глаза заслезились. – Взял, конечно. Но... Короче, не повезло. – Род решил, что лучше будет не признаваться, как его застали врасплох.

Джек решительно убрал солонку. Они сидели, жевали и внимательно следили за лесом. Спустя какое-то время Род тихо сказал:

– Джек, сзади шакал.

– Только шакал?

– Да. Но пора рубить мясо и сматываться. Мы привлекаем внимание. Сколько тебе нужно?

– Заднюю ногу и кусок печени.

– Больше все равно съесть не успеешь. Испортится.

Род принялся рубить ножом задние ноги. Затем вырезал с живота полоску кожи и повесил свою долю на шею.

– Ладно, парень, пока. Держи свой нож. И спасибо за соль.

– Не за что.

– Вкусно было невероятно. Ну, пока. Гляди в оба!

– Тебе того же. И удачи!

Род продолжал стоять на месте. Затем почти против своей воли спросил:

– Джек, а ты не хотел бы объединиться, а?

Он тут же пожалел о своем вопросе, вспомнив, как легко ему удалось справиться с этим парнем. Джек прикусил губу и задумался.

– Я... я не знаю.

Род почувствовал себя обиженным: неужели Джек не понимает, что ему оказывают услугу?

– А в чем дело? Ты меня боишься?

– Нет! Я думаю, ты свой человек.

У Рода возникло неприятное подозрение.

– Ты думаешь, я пытаюсь оттяпать у тебя соль?

– А? Бог с тобой. Хочешь, я поделюсь?

– Не надо. Я просто подумал... – Род умолк. Он подумал, что они оба прозевали сигнал к возвращению, и ждать предстояло теперь, возможно, очень долго.

– Я не хотел тебя рассердить, Род. Ты прав. Нам нужно объединиться.

– Да ладно. Я как-нибудь выживу.

– Не сомневаюсь. Но давай все-таки объединимся. Договорились?

– Мм... Держи.

Скрепив договор рукопожатием, Род сразу взял командование на себя. Никаких дискуссий не было. Он просто сделал это, и Джек согласился.

– Иди первым, – сказал Род, – а я буду прикрывать сзади.

– Хорошо. Куда мы идем?

– К тому холму ниже по течению. Там деревья удобные, и ночью там будет лучше, чем здесь. Нужно устроиться засветло, так что идем быстро и без разговоров.

– Ладно. – Джек задумался, потом неуверенно спросил: – Ты решил непременно ночевать на дереве?

Род выпятил губы:

– А ты собираешься провести ночь на земле? Как ты до сих пор выжил?

– Первые две ночи я действительно спал на деревьях, – неторопливо ответил Джек. – Но теперь у меня есть место получше.

– Да? Что за место?

– Что-то вроде пещеры.

Род задумался. Пещера, конечно, может превратиться в ловушку... Но возможность растянуться на ровной земле перевесила все остальные аргументы.

– Взглянуть не помешает, если это недалеко.

– Недалеко.

Глава 5

Новая звезда

Пещера Джека располагалась в одной из отвесных скал, вознесшихся над той самой речкой, где Рода ограбили. В этом месте холмы отгораживали небольшую долину, где в аллювиальных лугах прорезала себе мелкое устье петляющая речка. Вода вымыла в глинистом сланце карман, а сверху его закрывал огромный, нависающий над входом обломок известняка. Прямо под пещерой берег был слишком крут, чтобы забраться снизу, сверху мешала глыба известняка, а поток огибал пещеру почти по самому основанию скалы. Чтобы попасть внутрь, приходилось спускаться к воде по соседнему холму выше по течению, затем идти через луг вдоль речки, а дальше по наклонному глинистому берегу, тоже достаточно крутому.

Они взобрались по глиняной горке, протиснулись под нависающим обломком и очутились на твердом сланцевом полу пещеры. Одной стороной она открывалась к реке и уходила далеко в тело скалы, но стоять во весь рост можно было только у самого входа. Дальше приходилось ползти на четвереньках. Джек швырнул внутрь пригоршню гальки и с ножом наготове встал у входа.

– Похоже, никого нет.

Они опустились на четвереньки и поползли.

– Как тебе тут?

– Блеск. Только нужно будет дежурить по очереди. Кто-нибудь может заползти так же, как мы. Пока тебе везло.

– Может быть. – Джек нащупал в полутьме сухие ветки шипастого кустарника и загородил ими вход, уперев концами в потолок. – Это моя сторожевая система.

– Если какая-нибудь тварь тебя учует, это ее не остановит.

– Конечно. Но я проснусь и дам ей отведать камней. У меня тут большой запас. И две сигнальные вспышки.

– Я думал... Ты говорил, у тебя есть ружье.

– Я не говорил, но есть. Однако стрелять в темноте – сам знаешь...

– А здесь нормально. Даже здорово. Похоже, я вовремя с тобой объединился. – Род огляделся. – Ого, у тебя тут и очаг есть!

– Да, пару раз разжигал, но только днем. Сырое мясо так надоедает.

Род глубоко вздохнул:

– Знаю. Как ты полагаешь...

– Уже почти стемнело. Я ни разу не разжигал огонь, когда его могут заметить. Может, лучше поджарим печень на завтрак? С солью.

У Рода потекли слюнки.

– Да, ты прав, Джек. Но очень хочется пить, и пока не стемнело... Может, сходим вместе, чтобы один охранял другого?

– Ни к чему. У меня есть бурдюк с водой. Пей.

Род снова поблагодарил судьбу за то, что она свела его с таким запасливым хозяином. Раздувшийся от воды бурдюк был сшит из шкуры какого-то небольшого зверька, хотя что это за зверек, Род определить не сумел. Джек выскреб шкурку, но не выдубил, отчего вода пахла не особенно приятно. Однако Род не замечал этого, он напился вдоволь, вытер губы рукой и почувствовал себя совершенно умиротворенным.

Спать они легли не сразу: долго сидели в темноте и сравнивали свои наблюдения. Класс Джека забросили на день раньше, но с такими же инструкциями, и Джек согласился, что срок для сигнала к возвращению давно уже прошел.

– Должно быть, я его пропустил, когда лежал без сознания, – сказал Род. – Я даже не знаю, как долго у меня была высокая температура. Наверно, я чуть не умер.

– Нет, не в этом дело, Род.

– Почему?

– Со мной было все в порядке, и я следил за временем. Никакого сигнала не подавали.

– Ты уверен?

– А как я его мог пропустить? Сирену слышно за двадцать километров. Днем они используют дымовые ракеты, а ночью прожекторы, и по закону, если все не вернется раньше, это должно продолжаться неделю. Ничего такого и в помине не было.

– Может, мы слишком далеко? Честно говоря... Не знаю, как ты, но я в конце концов заблудился, чего уж тут скрывать...

– Нет. Мы примерно в четырех километрах от того места, где выбросили мой класс. Я даже могу показать тебе, где это. Так что, Род, нужно смотреть правде в глаза: что-то случилось, и теперь неизвестно, как долго мы тут проторчим, – сказал Джек, потом тихо добавил: – Поэтому-то я и решил, что будет лучше объединиться.

Род обдумал сказанное и решил, что пора рассказать о своей теории.

– Я тоже.

– Да. На несколько дней в одиночку безопаснее, но если мы застряли тут надолго...

– Я так не думаю, Джек.

– Что?

– Ты знаешь, какая это планета?

– Нет. Хотя я думал, конечно. Должно быть, она из совсем новых и очень похожа...

– Я знаю, где мы.

– Да ну? И где же?

– На Земле. На самой Земле.

Джек немного помолчал, потом спросил:

– Ты себя как чувствуешь, Род? У тебя нет температуры?

– Все у меня в порядке. Во всяком случае, теперь, когда я наелся досыта и напился. Послушай, Джек, я понимаю, это неожиданно, но тут все сходится. Мы на Земле, и я, кажется, даже догадываюсь, где именно. По-моему, они и не собирались подавать сигнал к возвращению; просто они ждут, когда мы сообразим, где нас выбросили, и выберемся сами. Такой трюк как раз в духе Мастера Мэтсона.

– Но...

– Подожди. Что ты все лезешь, как девчонка? Планета земного типа?

– Да, но...

– Дай мне договорить. Звезда класса G. Суточное вращение планеты такое же, как у Земли.

– Нет!

– Я сделал ту же ошибку. Первая ночь мне вообще показалась длиной в неделю. Но на самом деле я просто испугался до посинения, и поэтому ночь тянулась для меня бесконечно. Но теперь-то я уже не сомневаюсь, что суточное вращение то же самое.

– Не то же. По моему хронометру в сутках здесь примерно двадцать шесть часов.

– Когда вернемся домой, лучше отдай свои часы в починку. Ты, должно быть, ударил их о дерево или еще что.

– Но... Ладно, продолжай. Пленка за твой счет.

– Вот смотри. Флора такая же. Фауна такая же. Я знаю, как они это провернули и почему. И куда нас засунули.

– Как это?

– А так. Люди постоянно жалуются, что школьные налоги слишком высоки. Разумеется, держать планетарные ворота открытыми стоит немало, а уран на деревьях не растет. Я их даже понимаю. Но Мастер Мэтсон всегда говорил, что экономить здесь глупо. Да, мол, дорого, но дорожке отлично подготовленного исследователя или лидера поселенцев бывает только плохо подготовленный мертвый исследователь или лидер. Как-то раз после занятий он нам сказал, что эти жмоты, сторонники экономии, не раз предлагали проводить экзамены в специально отведенных для этого зонах на Земле. Но Мастер утверждает, что суть выживания во Внеземелье заключается в способности подчинять себе неведомое. Если бы испытания проводились на Земле, кандидаты просто изучали бы земные условия, и только. По его словам, любой бойскаут способен выучить шесть основных климатических зон Земли и запомнить из книг, как и что там следует делать, но было бы преступно называть это «обучением выживанию», а потом забрасывать человека во внеземные условия с его первым же профессиональным заданием. Как он говорит, это то же самое, что научить подростка играть в шахматы, а затем отправить его драться на дуэли.

– Он прав, – согласился Джек. – Капитан Бенбоу⁶ говорил примерно так же.

– Конечно прав. Мастер даже пообещал, что, если такая политика будет принята за основу подготовки, он заканчивает год и уходит. Но я думаю, его перехитрили.

– Каким образом?

– А очень просто. Мастер забыл, что любое окружение кажется неведомым, когда не знаешь, где находишься. И они сделали так, чтобы мы ничего не узнали. Первым делом послали нас на Луну – там ворота открыты постоянно, так что ничего лишнего никто не тратил. А мы, разумеется, решили, что нас отправляют куда-то далеко. Кроме того – это опять же подействовало, – никто не ожидал, что нас выбросят при той же самой силе тяжести, а они именно это и сделали: вернули нас на Землю. Если ты спросишь куда, то, я думаю, в Африку. Видимо, через лунные ворота нас связали с «Уитоутерстрэндом» под Йоганнесбургом, а там уже все было готово, чтобы перебросить нас в буш. Может быть, это мемориальный парк Чаки или еще какой-нибудь заповедник. Все сходится. Множество травоядных, похожих на антилоп и оленей, хищники – я даже видел два раза львов и...

– Ты их видел?

– Во всяком случае, они очень похожи, а точно я скажу, когда у меня будет возможность снять с такого зверя шкуру. Но это не все. Небо могло их выдать, особенно Луна, и они организовали плотный облачный покров. Готов спорить, где-нибудь не очень далеко работают климатические генераторы. И напоследок нам подбросили еще одну хитрость. Тебя предупреждали насчет стоборов?

– Да.

– А ты их видел?

– Честно говоря, я даже не знаю, что это такое.

– Вот и я не знаю. И думаю, никто не знает. Спорить готов, что стобор – это выдуманное «пугало», специально, чтобы нам было чем занять мысли. На Земле нет никаких стоборов, значит мы где-то еще. Такой трюк подействовал бы даже на такого недоверчивого типа, как я. Собственно говоря, и подействовал. Я, признаться, выбрал какую-то неизвестную мне тварь и окрестил ее стобором – как они и планировали.

– Выглядит логично, Род.

– Еще бы! Когда понимаешь наконец, что это Земля, – Род похлопал ладонью по полу, – и что они хотели скрыть это от нас, все сразу становится на свои места. Теперь нам нужно сделать вот что... Я собирался в одиночку, но с такой рукой не очень-то попутешествуешь, а теперь мы можем идти вдвоем, пока с тобой тоже чего-нибудь не случилось. План у меня

⁶ Джон Бенбоу (1653–1702) – знаменитый английский адмирал.

такой. Я думаю, мы в Африке или, может быть, в Южной Америке – короче, где-нибудь в тропиках. Это, в общем-то, не важно. Нам надо просто идти вниз по течению, ну и, разумеется, держаться настороже: здесь можно умереть так же легко, как во Внеземье. Не знаю, сколько времени нам потребуется – неделя, месяц, – но рано или поздно мы дойдем до какого-нибудь моста. А дальше пойдем по дороге, пока не найдем людей. Добравшись до поселения, свяжемся с властями, и нас отправят домой. Заодно получим зачеты по выживанию. Все очень просто.

– Слишком просто, – медленно произнес Джек.

– Не беспокойся, всяких неприятностей по дороге будет достаточно. Но теперь мы знаем, что делать, и нам это по силам. Я не хотел спрашивать сразу, но у тебя хватит соли, чтобы приготовить несколько килограммов копченого мяса? Если нам не придется охотиться каждый день, мы сможем двигаться очень быстро. А может, ты прихватил немного приправы для быстрого копчения?

– Прихватил, но...

– Отлично!

– Подожди, Род. Ничего не выйдет.

– Почему? Мы ведь партнеры?

– Успокойся. Все, что ты говорил, логично, но...

– Какие тогда «но»?

– Все логично, но все неверно.

– В смысле? Послушай, Джек...

– Нет, это ты теперь послушай. Я тебе дал высказаться.

– Но... Ладно, что ты имеешь в виду?

– Ты сказал, что небо их могло выдать и поэтому они, мол, напускают облака.

– Ну да. Так они, очевидно, и делают. Во всяком случае, по ночам. Естественные погодные условия их сразу выдают...

– Я тебе хочу сказать, что «они» себя уже выдали. Облачно было не каждую ночь, хотя ты, возможно, ночевал в глухом лесу и просто не заметил. Но я видел небо, Род. Видел звезды.

– И что?

– Это не наши звезды, Род. Извини.

Род закусил губу.

– Может, ты плохо знаешь южные созвездия? – предположил он.

– Южные созвездия я запомнил раньше, чем научился читать. Это чужие звезды, Род. Я знаю, что говорю. В той стороне, где садится солнце, ночью появляется пятиугольник из очень ярких звезд – ничего подобного с Земли не увидишь. Да и Луну, если бы она появилась, узнал бы любой.

Род попытался вспомнить, в какой фазе должна быть Луна, но бросил это дело, потому что не знал точно, сколько прошло времени.

– Может, она еще не взошла?

– Не может. Я не видел нашу Луну, но зато видел *луны*... Две луны, маленькие и очень быстрые, как спутники Марса.

– Надеюсь, ты не станешь утверждать, что это Марс, – неодобрительно произнес Род.

– Что я, по-твоему, рехнулся? Кроме того, звезды выглядят с Марса так же, как и с Земли. Боже, Род, о чем мы говорим? Когда садилось солнце, небо почти очистилось – давай выползем и посмотрим. Уж своим-то глазам ты поверишь?

Род не стал спорить и последовал за Джеком. Из пещеры не было видно вообще ничего, кроме темных силуэтов деревьев на противоположном берегу, но с края каменного уступа просматривался кусочек неба. Род посмотрел вверх и моргнул.

– Осторожней. Не свались в воду, – предостерег Джек.

Род промолчал. Между нависающей глыбой известняка и верхушками деревьев светился рисунок из шести ярких звезд: неровный пятиугольник и одна звезда в центре. Очень заметное созвездие, которое так же невозможно спутать с чем-то другим, как видимые с Земли семь звезд Большой Медведицы. И без диплома по астрографии было понятно, что на Земле этого созвездия никто никогда не видел.

Стройные логические построения Рода рухнули. Он чувствовал себя потрясенным и одиноким. Деревья за рекой вдруг снова стали угрожающе чужими. Он повернулся к Джеку и уже без всякого гонора сказал:

– Убедил. Что мы теперь будем делать?

Джек не отвечал.

– Что делать-то? – переспросил Род. – И что мы тут стоим?

– Род, – произнес Джек, – вот той звезды в центре пятиугольника раньше не было.

– Как это? Ты, должно быть, просто забыл.

– Нет, я уверен. Знаешь что, Род? Мы с тобой видим Новую звезду.

От этого научного открытия Род не испытал никакой радости. Мысли его занимало другое: ломался мир, тот, каким он его себе представлял, и какая-то там взорвавшаяся звезда большого впечатления на него не произвела.

– Может, это одна из твоих лун?

– Ни в коем случае. Они больше, отчетливо видны и имеют форму диска. Я тебе говорю, Новая! По-другому и быть не может. Ты только подумай, какая удача!

– Какая еще удача? – расстроенно переспросил Род. – Нам от этого никакого проку. До нее, наверно, светолет сто, не меньше.

– Да, но неужели тебя это не трогает?

– Нет.

Род пригнулся и заполз в пещеру. Джек взглянул на небо еще раз и последовал за ним. Оказавшись внутри, они долго молчали. Род – явно обиженно. Наконец Джек сказал:

– Пожалуй, я ложусь.

– Просто не понимаю, где я ошибся, – откликнулся Род невпопад. – Вроде бы все было так логично.

– Не морочь себе голову, – посоветовал Джек. – Мой инструктор по аналитике говорит, что логика – это просто тавтология. С помощью логики не узнаешь ничего такого, чего не знал раньше.

– Тогда какой в ней смысл?

– Спроси что-нибудь полегче. Ладно, напарник, я спать хочу – умираю. Давай ложиться.

– Ладно. Но, Джек, если это не Африка – а я должен признать, что это действительно так, – то что нам делать? Получается, нас здесь просто *бросили*?

– Что значит «что делать»? То же, что и раньше: есть, спать, оставаться в живых. Это наверняка зарегистрированная планета. Если мы продержимся, кто-нибудь обязательно здесь появится. Может, просто нарушилась подача энергии к воротам и завтра нас отсюда заберут.

– В таком случае...

– В таком случае хватит болтать и давай спать.

Глава 6

«Я думаю, он мертв»

Проснулся Род от заполнившего пещеру божественного аромата. Он перекатился на живот, заморгал от льющегося под навес яркого света и с некоторым усилием вспомнил, где он и что произошло днем раньше. Джек сидел на корточках у маленького костра на краю каменного уступа. Пахло жаренной на огне печенкой.

Род встал на колени и обнаружил, что мышцы у него по-прежнему ломит от усталости: во сне он снова сражался со стоборами. На этот раз в ночных кошмарах ему явились пучеглазые чудовища, вполне уместные на планете, неожиданно ставшей чужой и много опаснее, чем казалась. Однако он все же выпался, а когда с утра так восхитительно пахнет жареным мясом, никакие ночные ужасы не могут испортить настроение.

Джек поднял глаза:

– Я уж думал, ты проспишь весь день. Иди почисти зубы, причешись, прими душ и давай к столу. Завтрак готов. – Потом он снова взглянул на Рода и добавил: – Можешь еще и побриться.

Род улыбнулся и потрогал рукой подбородок:

– Ты просто завидуешь моей щетине, мальчишка. Подожди, через год или два и ты поймешь, какое это мучение. Бритье, простуда и налоги, как говорит мой отец, это три вечные проблемы, с которыми человечество, похоже, никогда не справится. – При мысли о родителях у Рода вдруг зашевелилась совесть: он даже не мог вспомнить, когда думал о них в последний раз. – Чем-нибудь помочь?

– Садись, бери соль. Этот кусок – тебе.

– Давай поделим.

– Ешь и не спорь. Я себе еще сделаю.

Род взял у Джека дымящийся, обугленный кусок печени – пришлось перекидывать его из руки в руку и дуть. Он поискал глазами соль. Джек в это время резал второй кусок. Взгляд Рода скользнул дальше и тут же вернулся.

В руках у Джека был «Полковник Боуи».

Среагировал Род мгновенно. Стремительным движением он схватил Джека за запястье:

– Ты украл мой нож!

Джек застыл.

– Род... ты с ума сошел?

– Ты меня оглушил и украл мой нож!

Джек даже не сделал попытки освободиться.

– Ты еще не проснулся, Род. Твой нож у тебя на поясе. Это другой нож... Мой.

Не опуская глаз, Род сказал:

– На поясе – это «Леди Макбет». А тот, которым ты режешь мясо, – «Полковник Боуи», мой нож.

– Отпусти руку.

– Брось нож!

– Род... ты, наверно, сможешь заставить меня бросить нож. Ты сильнее и уже держишь меня за руку. Но вчера мы с тобой объединились. Если ты сейчас же меня не отпустишь, наш договор не в счет. Тебе, видимо, придется убить меня... Потому что, если ты этого не сделаешь, я тебя рано или поздно выслежу. Я буду следить за тобой, пока не застану спящим. И тогда тебе конец.

Не сводя друг с друга глаз, они застыли над костром. Род тяжело дышал и пытался осмыслить, что же произошло. Улики были против Джека. Но неужели этот маленький поганец шел за ним по следу, а затем оглушил и ограбил? Выходило, что так...

Но почему-то не верилось. В конце концов Род решил, что расправится с Джеком, если рассказ покажется ему лживым, и отпустил его руку.

– Ладно, – сказал он, – как у тебя оказался мой нож?

– Это не бог весть какая история, – ответил Джек, продолжая резать печенку, – и я по-прежнему не уверен, что это *твой* нож. Собственно говоря, он и не мой тоже – мой ты видел. А этот я использую в качестве кухонного. У него балансировка неважная.

– У «Полковника Боуи»? Балансировка? Да это самый лучший метательный нож на свете!

– Ты будешь слушать или нет? Я нашел в зарослях одного парня – еще немного, и на него набросились бы шакалы. Не знаю, кто его прикончил – может быть, и стобор, – но он был наполовину съеден и весь изорван когтями. Однако лицо его осталось нетронутым, и я уверен, что он не из моего класса. У него была «Молния» и...

– Подожди. Ружье?

– Ну я же сказал. Видимо, он пытался им воспользоваться, но ему не повезло. Короче, я взял, что можно – этот нож и еще кое-какое снаряжение. Могу тебе показать. «Молнию» я оставил: энергоблок был разряжен, а без него это просто металлолом.

– Джек, посмотри мне в глаза. Ты не лжешь?

– Я могу отвести тебя к этому месту, – сказал Джек, пожимая плечами. – От того парня, видимо, мало что осталось, но «Молния» наверняка там.

Род протянул руку:

– Извини. Я поторопился с выводами.

Джек взглянул на него, но руки не подал.

– Я думаю, партнер из тебя неважный, так что лучше нам поставить здесь точку. Мы квиты. – Нож перевернулся в воздухе и упал рукояткой на ногу Рода. – Забирай свой тесак и проваливай.

Род оставил нож лежать на земле.

– Не обижайся, Джек. Я в самом деле ошибся.

– Я знаю, что это ошибка. Но ты меня заподозрил, и я вряд ли когда смогу тебе доверять. – Джек помолчал, затем добавил: – Доедай и отваливай. Так будет лучше.

– Джек, но мне вправду жаль, что так вышло. Я прошу прощения. Тут любой бы ошибся: ты ведь еще не слышал моего рассказа.

– Но ты даже не подождал, чтобы выслушать *мой*!

– Я был не прав, я же признал. – Род торопливо рассказал, как он остался совсем без снаряжения. – ...И естественно, увидев, что «Полковник Боуи» у тебя, я решил, что это твоих рук дело. Тут все было логично, нет?

Джек промолчал, но Род не отставал:

– Ну скажи, разве нет?

– Опять ты со своей логикой, – неохотно произнес Джек. – Она тебе слишком часто ударяет в голову. Не лучше ли было сначала подумать, а?

Род покраснел, но промолчал.

– Если бы я стащил твой нож, – продолжил Джек, – разве б я тебе его показал? Или, если уж на то пошло, согласился бы я в таком случае стать твоим партнером по выживанию?

– Видимо, нет, Джек. Я действительно сделал поспешные выводы и не сдержался.

– Капитан Бенбоу всегда говорил, что поспешными выводами и несдержанностью можно заплатить за билет на кладбище, – произнес Джек строго.

– Мастер Мэтсон тоже говорил что-то в таком духе. – Род виновато улыбнулся.

– Похоже, они оба правы. Ладно, давай начнем все сначала. Даже собаке позволено укунить хозяина один раз – но только один.

Род поднял взгляд и увидел перед собой грязную ладонь Джека.

– Ты хочешь сказать, что мы снова партнеры?

– Давай руку. Выбирать нам особенно не приходится.

Они с серьезным видом пожали друг другу руки, после чего Род подобрал «Полковника Боуи», еще раз взглянул на него и протянул рукояткой вперед Джеку:

– Видимо, он теперь твой.

– А? Нет. Пусть лучше он будет у тебя.

– Почему? Он достался тебе честно.

– Не валяй дурака, Род. У меня есть «Синяя Борода» – в самый раз для меня.

– Он – твой. У меня есть «Леди Макбет».

Джек сдвинул брови:

– Мы ведь партнеры?

– Да, конечно.

– Значит, у нас все общее. «Синяя Борода» принадлежит и тебе, и мне. И «Полковник Боуи». Но ты к нему приналовился, так что для нас обоих будет лучше, если нож останется у тебя. Твоей заумной логике это как – не противоречит?

– Э-э-э...

– Ну тогда заткнись и ешь. Давай я тебе еще кусок отрежу. Этот уже остыл.

Род подобрал обгоревший кусок печени, отряхнул с него пыль и пепел.

– Нет, он еще ничего.

– Выкинь его в реку и возьми который погорячей. Печень все равно долго не пролежит.

Накормленный и согретый ощущением, что у него есть друг, Род растянулся после завтрака на каменном уступе и впери́л взгляд в небо. Джек загасил костер и выбросил остатки завтрака в реку. Недоеденный кусок печени еще не коснулся воды, как оттуда высунулась в стремительном броске какая-то тварь и схватила его на лету. Джек повернулся к Роду:

– Так. Чем мы сегодня займемся?

– Мм... До завтра мяса у нас хватит. Так что сегодня охотиться не нужно.

– С тех пор как я нашел эту пещеру, я охочусь через день. На второй день мясо даже лучше, но на третий – фу-у!

– Согласен. А чем ты хочешь заняться?

– Не знаю. Надо подумать. Для начала можно сходить купить молочные коктейли – в больших стаканах, густые, с шоколадом. Или фруктового салата. А еще лучше и то и другое. Сначала я съем...

– Прекрати, а то у меня сердце не выдержит!

– Затем я приму ванну, разоденусь в пух и прах, смотаюсь в Голливуд и посмотрю парочку фильмов. Тот супербоевик с Дирком Мэнли в главной роли, а после что-нибудь приключенческое. Потом еще один молочный коктейль – на этот раз клубничный, а потом...

– Заткнись!

– Ты сам спросил, чем я хочу заняться.

– Да, но я имел в виду – в рамках возможного.

– Что ж ты сразу не сказал? Или, по-твоему, тут все «логично» и должно быть понятно сразу? Я думал, ты всегда действуешь в соответствии с логикой.

– Ну что ты ко мне пристал? Я же извинился.

– Да, извинился, – с мрачной ухмылкой признал Джек, – однако я еще не истратил весь накопленный яд.

– Ты, часом, не из тех, кто любит ворошить прошлое?

– Только тогда, когда ты этого меньше всего ожидаешь. Но если серьезно, Род, я думаю, надо идти охотиться сегодня.

– Ты же сам согласился, что это подождет до завтра. Лишний раз убивать ни к чему, да и опасно.

– Я думаю, надо поохотиться на людей.

Род приставил ладонь к уху:

– Еще раз...

– Я думаю, что сегодня нам надо поохотиться на людей.

– Да? От скуки я, конечно, готов на все. Только что мы будем с ними делать? Скальпировать или просто кричать «Готов! Мы тебя убили!»?

– В скальпировании больше проку... Род, как по-твоему, сколько мы здесь проторчим?

– А? Мы уже знаем, что с возвратом вышла накладка. По твоим словам, мы здесь уже три недели... Мне казалось, что дольше, но я не делал зарубок. Следовательно...

– Что «следовательно»?

– Следовательно, ничего. Может, у них какие-нибудь технические неполадки, которые они устранят уже сегодня, и нас вернут домой. А может, Мастер Мэтсон и его коллеги, любители приключений, решили, что будет очень здорово удвоить срок проверки, ничего не сообщив нам. В конце концов, может, далай-лама приказал бомбить иноверцев и вместо ворот теперь радиоактивные развалины. Или прилетели трехголовые змеелюди из Малого Магелланова Облака и взяли ситуацию в свои руки – как они это понимают. Может, мы здесь навсегда.

Джек кивнул:

– Это я и имею в виду.

– Так сразу? Пока ясно только то, что про нас забыли.

– Род, группа из двух человек хороша на несколько недель. Но представь себе, что ожидание растянется на месяцы. Представь, что кто-то из нас сломал ногу. И даже если ничего такого не случится, надолго ли мы, по-твоему, в безопасности с этой сторожевой системой из сухих веток? Нам нужно перегородить тропу, чтобы забираться сюда можно было только по веревочной лестнице, которую будет сбрасывать постоянный дежурный. Нужно найти соль, подумать о том, как выдубить шкуры, и много чего еще, – кстати, этот мой бурдюк уже пахнет. На долгий срок нам нужно как минимум четыре человека.

Род в задумчивости почесал свои выпирающие ребра.

– Знаю. Я об этом еще вчера думал, после того как ты разгромил мою оптимистическую теорию, но я ждал, когда ты сам об этом заговоришь.

– Почему?

– Это твоя пещера. У тебя тут и снаряжение, и ружье, и лекарства, и еще, наверно, много всякого, чего я не видел. У тебя есть соль. А у меня только нож – теперь, благодаря тебе, два ножа. Хорош бы я был, предложив поделить все это на четверых.

– Мы же одна команда, Род.

– Мм... верно. И мы оба считаем, что команда будет сильнее, если мы завербуем парочку рекрутов... Сколько там всего народа, по-твоему? – спросил он, махнув рукой в сторону зеленой стены за рекой.

– В моей группе допущены были семнадцать парней и одиннадцать девчонок. Капитан Бенбоу сказал, что в этой зоне испытаний будет четыре группы.

– Мастер нам даже этого не сказал. Но из нашего класса прошло человек двадцать.

– Значит, тут всего человек сто, – задумчиво произнес Джек.

– Если не учитывать потери.

– Если не учитывать потери. Примерно две трети ребят и одна треть девчонок. Выбор большой, если мы сумеем их отыскать.

– Только давай обойдемся без девчонок, Джек.

– А что ты против них имеешь?

– Я? Ничего. На пикнике им цены нет или, скажем, долгими зимними вечерами. Я обеими руками за прекрасную половину. Но в таких вот переделках они – чистая отравка.

Джек промолчал, и Род продолжил:

– Сам подумай. Ну появится у нас тут такая милашка, и в пещере сразу будет больше проблем, чем там, снаружи, со всеми этими столбами и прочей нечистью. Ссоры, сцены ревности, а то, глядишь, кто-нибудь из парней еще и соперника из-за нее пырнет. Нам и без того проблем хватает.

– Ну хорошо, – задумчиво произнес Джек, – предположим, мы кого-то встретили, и оказалось, это девчонка. Как ты собираешься поступить? Снять шляпу и сказать: «Прекрасный день, мадам, не правда ли? Но теперь отвалите и не мешайтесь»?

Род вычертил на рассыпанном пепле пятиугольник, поставил в центре еще одну звезду, затем стер рисунок ногой.

– Не знаю, – медленно ответил он. – Будем надеяться, что наберем команду раньше, чем столкнемся с такой проблемой. Может, они сами объединятся.

– По-моему, нам надо продумать свою политику в этом вопросе заранее.

– Я – пас. А то ты опять обвинишь меня в пристрастии к логике. У тебя есть какие-нибудь соображения, как искать остальных?

– Пожалуй. Кто-то еще охотится выше по течению.

– Да? Ты его знаешь?

– Я видел его только издали, и он не из моего класса. На полголовы ниже тебя, светлые волосы, светлая кожа, но он здорово обгорел на солнце. Кого-нибудь напоминает?

– Трудно сказать, – ответил Род, взволнованно подумав, что описание и в самом деле кого-то напоминает. – Может, пойдем посмотрим, вдруг удастся его выследить?

– Я могу отдать его тебе со всеми потрохами. Но я не уверен, что нам нужен именно такой человек.

– Почему? Если он протянул до сих пор, он должен что-то сообщать.

– Честно говоря, я не понимаю, как ему это удалось. Двигается он так, что за километр слышно, и уже неделю живет на одном и том же дереве.

– В этом тоже есть свой смысл.

– Да, но только если не кидаешь кости и объедки под своим же деревом. Меня именно шакалы на его жилище и навели.

– Мм... да. Но если он нам не понравится, мы можем его и не приглашать.

– Договорились.

Перед выходом Джек порылся в темном углу пещеры и извлек оттуда сложенную веревку.

– Род, может быть, это твоя?

Род внимательно осмотрел веревку.

– Во всяком случае, такая же, как была у меня. А что?

– Я ее нашел там же, где и «Полковника Боуи». Если и не твоя, все равно возьми – пригодится.

Джек достал еще моток веревки и обмотал ее вокруг бронежилета. Род подумал, что он, должно быть, так и спал, но промолчал. Если Джек считает такую защиту важнее подвижности, его дело. Каждому – по его привычкам, как говаривал Мастер.

Дерево стояло на небольшой поляне, но Джек провел Рода через кусты, подходившие близко к стволу, и последние несколько десятков метров они пробирались ползком. Джек пригнул голову Рода поближе и прошептал ему в ухо:

– Если мы пролежим тут часа три или четыре, я готов спорить, он обязательно или слезет с дерева, или появится из леса.

– Ладно. Следи за тылом.

Они пролежали около часа, но ничего не произошло. Род старался не замечать крошечных кусачих мушек, вьющихся вокруг. Он бесшумно поменял позу, чтобы не затекали руки и ноги, и с трудом подавил чих. Наконец он решил позвать Джека.

– Что случилось?

– Вот там из дерева растут две толстые ветки. Это и есть его «гнездо»?

– Может быть.

– Видишь? Рука торчит.

– Где?.. Кажется, да. Но возможно, это просто ветка.

– По-моему, все-таки рука, и я думаю, он мертв. С тех пор как мы пришли, рука ни разу не шевельнулась.

– Спит?

– Спящий человек обычно не лежит так долго в одной позе. Я хочу влезть посмотреть. Ты меня прикроешь. Если рука пошевелится, кричи.

– Может, не стоит так рисковать, Род?

– Смотри в оба! – распорядился Род и пополз вперед.

Как Род и предположил, едва услышав рассказ Джека, рука принадлежала Джимми Трокстону. Он не умер, но был без сознания, и Роду никак не удавалось привести его в чувство.

Джимми лежал в своем наполовину искусственном гнезде, и одна его рука свешивалась вниз. Род заметил, что он срезал мелкие ветки – и между двумя сучьями и стволом дерева получилось что-то наподобие гамака.

Спустить его на землю оказалось не так-то легко: весил Джимми примерно столько же, сколько и Род. Он продел веревку у Джимми под мышками и перекинул ее через сук, чтобы она стравливалась помедленнее, но сложнее всего было вытащить Джимми из его неопрятного гнезда и при этом не уронить.

На полпути вниз живой груз застрял, и Джеку пришлось подняться по стволу, чтобы его высвободить. Но в конце концов, изрядно попотев, они справились, и, оказавшись на земле, Джимми все еще дышал.

Роду пришлось нести своего друга до самой пещеры. Джек предложил делать это по очереди, но Джимми был явно слишком тяжел для него. Род только прикрикнул на Джека, чтобы тот прикрывал их со всех сторон: если бы, не ровен час, появился псевдолев, сам он мало чем мог помочь.

Хуже всего оказалось взбираться к пещере по крутому берегу из осыпающегося сланца. Род и без того уже выдохся – он больше километра тащил на себе обмякшее тяжелое тело по пересеченной местности, – и перед подъемом пришлось немного передохнуть.

– Не урони его в воду! А то уже нечего будет вылавливать. Я видел... – озабоченно произнес Джек.

– Сам знаю. Обойдусь без дурацких советов.

– Извини.

Наконец он пополз вверх. Страшно было и за Джима, и за себя. Род не знал, что за твари живут в реке, но он не сомневался, что сожрут их мгновенно. Когда он добрался до нависающей известняковой глыбы, пришлось совсем согнуться, чтобы попасть на каменный уступ, но даже так Род почувствовал, что его ноша цепляется за край и сползает назад.

Джек помог ему удержаться на месте, затем протолкнул дальше. Оказавшись в безопасности на каменном уступе, они повалились наземь. Род едва дышал и никак не мог унять дрожь в натруженных мышцах.

Они уложили Джимми на спину, и Джек проверил у него пульс.

– Быстрый, но слабый. Наверно, он не выкарабкается.

– Какие у тебя есть лекарства?

– Два вида неосульфатов и вердомицин. Но я не знаю, что ему давать.

– Давай все три и молись.

– А вдруг у него аллергия на какое-нибудь из них?

– У него сейчас аллергия на смерть, а это гораздо серьезнее. Температура поднялась, наверное, за сорок. Так что давай.

Род приподнял Джимми за плечи и ущипнул за мочку уха, а когда тот пришел в сознание, Джек запихал ему в рот таблетки и заставил запить водой. Теперь оставалось только ждать.

Всю ночь они дежурили около больного по очереди. К утру температура спала, Джим очнулся и попросил пить. Род снова приподнял его, а Джек поднес к пересохшим губам бурдюк. Джимми напился воды и опять уснул.

Они решили ни в коем случае не оставлять Джима одного, поэтому Джек оставался ухаживать за больным, а Род каждый день ходил на охоту, стараясь добыть что-нибудь понежнее, чтобы с мясом мог управиться и их ослабевший подопечный. Уже на вторые сутки Джим мог говорить, не засыпая посреди фразы. Во второй половине дня Род вернулся с тушкой небольшого зверька, напоминающего гибрид кошки и кролика. Джек как раз шел ему навстречу с пустым бурдюком.

– Привет.

– Привет. Я вижу, тебе повезло. Слушай, Род, будешь его свежевать, поосторожней со шкурой. Нам нужен новый бурдюк. Там не очень много порезов?

– Совсем нет. Я убил его камнем.

– Отлично!

– Как наш пациент?

– Выздоровливает не по дням, а по часам. Я сейчас вернусь.

– Давай посторожу тебя, пока ты наберешь воды.

– Не надо, я буду осторожен. Иди к Джиму.

Род поднялся вверх, положил добычу на каменный уступ и пролез в пещеру.

– Как ты тут?

– Шикарно. Думаю, что поборю тебя в двух случаях из трех.

– На следующей неделе. Джек заботится?

– Еще как! Слушай, Род, я просто не знаю, как вас благодарить! Если бы не вы...

– Не знаешь, так и не надо. И не за что меня благодарить. А Джек – мой партнер, так что все нормально.

– Джеку цены нет!

– Да, отличный парень. Лучше не бывает. Мы с ним здорово ладим.

Джим посмотрел на него с удивлением, открыл было рот и тут же закрыл.

– В чем дело? – спросил Род. – Тебя укусил кто? Или тебе опять нехорошо?

– Как ты сказал про Джека? – медленно произнес Джим.

– А? Я сказал, что лучше не бывает. Мы с ним теперь – одна команда. Отличный парень.

Джимми Трокстон посмотрел на него с сомнением и спросил:

– Род... Ты от рождения такой дурной? Или после поглупел?

– А что такое?

– Джек – девчонка.

Глава 7

«Надо было хоть пирог испечь»

Молчание тянулось долго.

– Закрой рот, – сказал наконец Джим, – а то кто-нибудь залетит.

– Джимми, ты, похоже, еще не в себе.

– Может, я еще болен, но не настолько, чтобы не отличить девчонку от парня. Когда со мной такое случится, я буду уже не болен, а мертв.

– Но...

– Спроси ее сам. – Джимми пожал плечами.

На пол упала тень. Род обернулся и увидел, что Джек уже на каменном уступе.

– Свежая вода, Джим!

– Спасибо, – ответил Джим и посмотрел на Рода. – Давай, спроси.

Джек перевел взгляд с одного на другого:

– Что за безмолвная сцена? Что ты на меня так смотришь, Род?

– Джек... – медленно произнес Род. – Как тебя зовут?

– А? Джек Доде. Я же тебе говорил.

– Нет. Полное, настоящее имя.

Джек снова перевел взгляд с Рода на ухмыляющуюся физиономию Джимми, потом обратно.

– Мое полное имя... Жаклин Мари Доде. Если тебе это так важно. А что?

Род сделал глубокий вдох.

– Жаклин, – произнес он, словно оценивая имя на слух. – Я не знал...

– Так и было задумано.

– Я... Слушай, если я сказал что-нибудь такое... в общем, тебя обидел – так я не имел в виду ничего плохого...

– Успокойся, ты ничего обидного не говорил, медведь ты этакий. Разве что про свой нож.

– Я не хотел.

– Или ты имеешь в виду, что «все девчонки – чистая отравка»? А тебе не приходило в голову, что про парней можно сказать то же самое? Нет, конечно, не приходило. Но раз ты теперь все знаешь, то, может, оно и к лучшему. Теперь нас уже трое.

– Но Жаклин...

– И пожалуйста, зови меня Джекки. – Она передернула плечами. – Теперь, когда вы оба знаете, мне не нужно будет носить этот чертов панцирь. Отвернитесь.

– Э-э-э... – Род отвернулся.

Джимми перекатился на бок, лицом к стене.

– Хорошо, – слышалось через минуту.

Род обернулся. В рубашке, без бронежилета, ее плечи были гораздо уже, а сама она изящнее и очень неплохо сложена. Жаклин сидела на полу и отчаянно чесала грудь и спину.

– С тех пор как я тебя встретила, Род Уокер, я даже не могла по-человечески почесаться, – сказала она с упреком. – Иногда я просто умирала.

– Никто не заставлял тебя носить эту штуковину.

– А представь, если бы я ее не носила. Ты бы захотел быть со мной в одной команде?

– Э-э-э... ну я... в общем-то... – Род умолк.

– Вот видишь. – Неожиданно на ее лице отразилось беспокойство. – Мы все еще партнеры?

– Что? Разумеется!

- Тогда давай снова пожмем друг другу руки. И Джиму тоже. Ты согласен, Джим?
- Спрашиваешь!

Три правые руки сошлись в рукопожатии, Джекки накрыла их левой рукой и торжественным тоном произнесла:

- Все за одного!

Род достал левой рукой «Полковника Боуи» и положил плашмя на сцепленные руки.

- И один за всех!

– Налоги делим на троих, – добавил Джимми. – У нотариуса заверять будем?

Глаза у Жаклин заблестели от слез.

– Джимми Трокстон, – произнесла она многообещающим тоном, – когда-нибудь я заставлю тебя воспринимать жизнь всерьез!

– Я и так воспринимаю ее всерьез, – возразил он. – Не хочется только, чтобы и она воспринимала меня так же. Когда рождаешься заново, грех не порадоваться.

– Мы все, считай, родились по второму разу, – сказал Род. – Но сейчас помолчи. Ты и так слишком много болтаешь.

- Смотри, как заговорил! А сам-то что?

– Во всяком случае, не стоит смеяться над тем, что говорит Жаклин. Она для тебя очень много сделала.

- Кто же спорит!

- Тогда...

– Никаких «тогда»! – резко сказала Жаклин. – Меня зовут Джекки, Род. Забудь о Жаклин. Если вы начнете сейчас проявлять галантность, у нас будет полный набор всех тех проблем, о которых ты меня предупреждал. Если я правильно помню, ты сказал «чистая отравка».

- Но было бы только логично...

– Опять ты со своей логикой! Давай займемся практической стороной дела. Помог бы мне лучше сделать новый бурдюк.

На следующий день Джим уже взял на себя заботы по «дому», а Джекки и Род ушли на охоту вместе. Джим тоже хотел пойти, но наткнулся на двойной запрет. Охота втроем давала не бог весть сколько преимуществ, зато вдвоем у них получалось отлично: теперь им не приходилось выжидать в засаде по несколько часов, и дело было лишь за тем, чтобы найти добычу. Джекки загоняла зверя, а Род его приканчивал. Они выбирали животное где-нибудь на краю стада, Джекки подкрадывалась с другой стороны и спугивала его, обычно прямо на Рода.

Охотились они по-прежнему с ножами, хотя Джекки выбрала хорошее оружие для выживания в примитивных условиях – пневматическое ружье, стреляющее ядовитыми стрелками. Поскольку стрелки можно было находить и снова заряжать ядом, ружье могло служить практически вечно. Именно по этой причине Джекки выбрала его, а не огнестрельное или энергетическое оружие.

Роду оно очень понравилось, но тем не менее он решил не брать ружье на охоту.

- Давление может упасть, и в нужный момент оно вдруг подведет.

- Такого ни разу не случалось. Да и перезарядить его – одна секунда.

– Хорошо... Но если мы начнем пользоваться ружьем, рано или поздно мы потеряем последнюю стрелку, и может так случиться, что именно тогда оно нам особенно понадобится. Возможно, мы здесь надолго, так что давай оставим его про запас, а?

- Как скажешь, Род.

- Почему это? У нас у всех равное право голоса.

- Нет. Мы с Джимми уже говорили об этом, и он согласен: кто-то должен быть главным.

Охота занимала у них около часа каждый второй день. Остальное время уходило на поиски новых партнеров: они поделили местность на квадраты и прочесывали их очень старательно. Однажды им удалось спугнуть стервятников с добычи, которую, похоже, кто-то разделял ножом. Род и Джимми шли по следу – по человеческому следу, как они убедились, – но из-за темноты им пришлось вернуться в пещеру. Наутро они попытались отыскать след снова, но безуспешно: ночью прошел сильный дождь.

В другой раз они нашли остатки костра, но Род решил, что им по крайней мере дней десять.

Как-то через неделю, которая прошла в бесплодных поисках, они вернулись домой не так поздно. Джимми оторвал взгляд от костра:

– Как успехи в переписи населения?

– И не спрашивай. – Род устало опустил на каменный пол. – Что у нас на обед?

– Сырое мясо, жареное мясо и горелое мясо. Я пытался запечь немного в мокрой глине, но получилась только отлично обожженная глина.

– И на том спасибо.

– Джим, – сказала Джекки, – нужно попробовать сделать глиняные горшки.

– Я уже пробовал. С первой попытки получил огромную трещину. Но я еще научусь. Послушайте-ка, дети мои, – продолжил он, – а вам не кажется, что вы ищете людей не тем способом?

– Почему не тем? – спросил Род.

– Ну, если вам хочется физических упражнений, то все нормально. Вы носитесь по всей округе, потеете, но результатов никаких. Может, лучше будет, если они сами нас разыщут?

– Каким образом?

– Можно подать дымовой сигнал.

– Мы уже думали об этом. Но нам не нужен кто угодно, и сообщать всем подряд, где мы живем, тоже ни к чему. Нам нужны люди, с которыми мы станем сильнее.

– Вот это как раз и есть то, что инженеры называют «ошибочным критерием». *Если вы задумали поймать в лесу человека, для которого лес что дом родной, то, сколько б вы ни гонялись по тропам, вам его никогда не найти. А он вас найдет запросто, пока вы ломитесь через кустарник, расшвыривая камни, ломая ветки и распугивая птиц. Он может даже проследить за вами и понять, что вам нужно, но, если ему не захочется самому, вы его никогда не найдете.*

– Род, в этом что-то есть, – сказала Джекки.

– Тебя мы нашли достаточно легко, – заметил Род Джиму. – Может, ты сам не тот тип, что нам нужен.

– Я просто был не в форме, – ответил Джимми спокойно. – Вот подожди, я наберусь сил и покажу свою истинную природу! Ург, пещерный человек, – перед вами! Наполовину неандерталец, наполовину гибкий черный леопард. – Он постучал себя в грудь и закашлялся.

– Это не очень похоже на истинную пропорцию. Неандерталец тут явно доминирует.

– Не дерзи. И помни, что ты мой должник.

– Я думаю, ты просто жульничаешь. Наверно, наизусть уже выучил, как каждая карта выглядит с другой стороны. Они у тебя скоро в лохмотья превратятся.

Когда Джимми спасли, при нем обнаружили игральные карты, и позже он объяснил, что это тоже снаряжение для выживания.

– Прежде всего, – сказал Джим, – если бы я потерялся, я всегда мог сесть и разложить пасьянс. Рано или поздно кто-нибудь меня нашел бы и...

– И посоветовал положить черную десятку на красного валета. Это мы уже слышали.

– Тихо, Род. Во-вторых, Джекки, я планировал объединиться здесь с этим вот «каменным лицом». Мне ничего не стоит обыграть его в криббедж, но он все время пытается отыг-

ратся. Я решил, что за время испытания сумею выудить у него все карманные деньги на будущий год. Тактика выживания!

Как бы то ни было, но карты имелись, и каждый вечер они втроем играли в тихие семейные игры по миллиону плутонов за кон. Жаклин шла более-менее ровно, зато Род задолжал Джиму уже несколько сот миллионов. В тот вечер они продолжили дискуссию за игрой. Род по-прежнему не хотел раскрывать местонахождение их убежища.

– Мы можем подавать дымовой сигнал где-нибудь в другом месте, – предложил он задумчиво. – И дежурить в безопасном укрытии. Сними, Джим.

– Да, но тут тоже риск... Пятерка, как раз то, что нужно! Если вы устроите костер достаточно далеко отсюда, чтобы никто не знал про эту пещеру, вам придется мотаться туда и обратно по крайней мере дважды в день. Я думаю, очень скоро удача вам изменит и в один прекрасный день вы просто не вернетесь. Не то чтобы я стал сильно горевать, но играть будет не с кем.

– Чья игра?

– Джеки. Но если мы разожжем костер близко, на виду, тогда нам останется только сидеть и ждать. Я сяду спиной к стене с этой пукалкой на коленях, и если покажется враг, шлеп – и готово! Длинная свинья на обед. Но если они нам понравятся, тогда мы возьмем их в игру.

– Считай.

– Пятнадцать-шесть, пятнадцать-двенадцать, пара, шестерка за валетов... Это будет стоить тебе еще один миллион, мой друг.

– По-моему, один из этих валетов – дама, – с угрозой произнес Род.

– В самом деле? Знаешь, уже темно. Сдаешься?

В конце концов они согласились с планом Джима. Времени для игры в карты стало больше, и долг Рода вырос за миллиард. Сигнальный костер горел на каменном уступе ниже по течению, и обычно ветер дул так, что дым сносило в сторону. Когда же его задувало в пещеру, это было просто невыносимо, и они пулей вылетали оттуда, размазывая слезы по щекам.

За четыре дня такое случалось три раза. Их реклама ни у кого пока не вызвала интереса, и они здорово устали таскать сухие дрова для костра и собирать зеленые ветки, которые давали дым. После третьего раза Джимми не выдержал:

– Род, я сдаюсь. Твоя взяла, и я снимаю свое предложение.

– Нет!

– А? Поимей совесть! Я не могу питаться дымом – в нем совсем нет витаминов. Давай лучше вывесим флаг. Я пожертвую свою рубашку.

Род задумался.

– А это идея!

– Стой, подожди. Я же пошутил. У меня нежная кожа, и я легко обгораю.

– А ты не торчи на солнце подолгу, и со временем у тебя будет отличный загар. Мы и вправду вывесим твою рубашку вместо флага. Но огонь тоже нужно поддерживать, только не здесь, на уступе, а где-нибудь там, на лугу, может быть.

– Чтобы дым опять задувало в наш летний коттедж?

– Ну тогда еще дальше вниз по течению. Мы разведем большой костер, и дым будет видно издалека. А флаг повесим над пещерой.

– И тем самым допросимся, что нас выселят какие-нибудь лихие волосатые личности, которые никогда не слышали о праве на собственность.

– Мы уже признали, что рискуем, когда решили разжечь сигнальный костер в первый раз, так что чего уж там. Давайте за дело.

Род выбрал самое высокое дерево на скале, под которой расположилась пещера, забрался на самый верх, где ствол едва его держал, и целый час работал ножом, срубая верхушку. Затем привязал рубашку Джимми за рукава и полез вниз, срезая по пути все лишние ветки. Вскоре они стали слишком толстыми, чтобы справиться с ними ножом, но и так получилась голая мачта в несколько метров высотой. Рубашку трепало на ветру и отлично было видно издалека. Усталый, но довольный своей работой, Род еще раз взглянул вверх: ничего не скажешь, самый настоящий сигнальный флаг.

Джимми и Жаклин тем временем развели ниже по течению новый костер, для этого они перенесли огонь с уступа. У Жаклин еще оставалось несколько спичек, а у Джимми была почти полностью заряженная зажигалка, но сознание того, что они могут остаться тут надолго, заставляло экономить. Спустившись на землю, Род присоединился к ним. Теперь места для костра хватало, да и валежник таскать стало легче, так что дым валил вовсю.

Лицо Жаклин, и без того потное и не особенно чистое, теперь совсем почернело от дыма, а на бледно-розовой коже Джимми сажу было заметно еще лучше.

– Пироманьяки, – улыбнулся Род, оглядев своих товарищей.

– Ты приказал дым, – ответил Джимми, – и я собираюсь сделать такой костер, что сожжение Рима будет выглядеть по сравнению с ним детской забавой. Притащи-ка мне тогу и скрипку.

– Скрипки изобрели позже. Нерон играл на лире.

– Давай не будем мелочиться. У нас получается неплохое грибовидное облако, а?

– Гулять так гулять, Род! – подзадорила его Жаклин, вытирая лицо; чище оно при этом не стало. – Весело ведь!

Она макнула огромную зеленую ветку в воду и бросила в костер – дым тут же повалил столбом.

– Еще дров, Джимми!

– Несу!

Род тоже разошелся и вскоре стал таким же черным, как и они. Ни разу с самого начала испытания не было ему так весело. Когда солнце скрылось за верхушками деревьев, они наконец оставили попытки сделать костер еще больше, лучше, дымнее и неохотно отправились к пещере. Только в этот момент Род осознал, что совсем забыл про осторожность.

Ладно, успокоил он сам себя, все хищники боятся огня.

Пока они ели, от догорающего костра еще тянулся к небу столб дыма. После Джимми достал карты и попытался перетасовать рыхлую колоду.

– Кто-нибудь желает поучаствовать? Обычные низкие ставки.

– Я слишком устал сегодня, – ответил Род. – Ты можешь просто увеличить мой долг на ту сумму, что я обычно проигрываю за день.

– Но это неспортивно. И потом, помнишь? Ты на прошлой неделе один раз выиграл. А ты, Джежки, что скажешь?

Жаклин хотела что-то ответить, но Род жестом заставил их замолчать.

– Ш-ш-ш! Я слышал какой-то звук, – прошептал он.

Джим и Жаклин замерли, потом бесшумно достали ножи. Род сунул «Полковника Боуи» в зубы и выполз на каменный уступ. На тропе никого не было видно, и, похоже, никто не трогал загородку из сухих веток. Род высунулся еще дальше, пытаясь определить, откуда донесся звук.

– Эй, внизу! – послышался негромкий голос.

Род почувствовал, как напряглись у него мышцы. Он обернулся и увидел, что Джимми взял тропу на прицел. Жаклин достала свое ружье и тоже приготовила к бою.

– Кто там? – крикнул Род.

Сначала наверху молчали, потом тот же голос ответил:

– Боб Бакстер и Кармен Гарсиа. А вы кто?

Род облегченно вздохнул.

– Род Уокер, Джимми Трокстон и еще один человек, не из нашего класса, Джекки Доде. Бакстер какое-то время думал.

– Можно к вам присоединиться? По крайней мере, на сегодня?

– О чем речь!

– Как нам спуститься вниз? Кармен не может карабкаться по скале – у нее болит нога.

– Вы прямо над нами?

– Наверно. Я тебя не вижу.

– Оставайся на месте. Я сейчас поднимусь. – Род повернулся к своим товарищам и улыбнулся. – У нас гости к ужину. Разводи огонь, Джимми.

Джимми удрученно причмокнул языком:

– А в доме почти ничего нет. Надо было хоть пирог испечь.

К тому времени, когда Род вернулся с Бобом и Кармен, на огне уже жарилось мясо. Задержались они из-за Кармен: она всего лишь растянула лодыжку, но по крутому берегу пришлось карабкаться на руках, да и туда еще нужно было добраться, а боль и усталость давали себя знать.

Когда Кармен поняла, что третий человек – девушка, она даже расплакалась. Джекки посмотрела на парней сердитым взглядом – Род так и не понял почему – и увела ее в дальний угол пещеры, где спала сама. Пока Боб Бакстер и Род с Джиммом сравнивали свои наблюдения, девушки непрерывно о чем-то шептались.

У Боба и Кармен дела шли отлично до тех пор, пока она не подвернула ногу двумя днями раньше, – если не считать, конечно, что их по какой-то непонятной причине забыли на этой планете.

– Когда стало ясно, что никто не собирается помогать нам отсюда выбраться, у меня, признаться, просто опустились руки, – сказал Боб. – Но Кармен быстро привела меня в чувство. Она – человек очень практичный.

– Женщины всегда практичнее мужчин, – согласился Джимми. – Вот я, например, натура поэтическая.

– Только все у тебя белым стихом получается, – поддел его Род.

– Это ты от зависти, Род. Ладно, Боб, старина, может, тебе еще кусок? Сырой или хорошо обугленный?

– И тот и другой. Последние два дня мы жили впроголодь... Мм... вкусно-то как!

– Соус по моему рецепту, – скромно сказал Джимми. – У меня, знаешь ли, тут свой огород. Сначала надо растопить на сковородке кусок масла, а затем...

– Уймись, Джимми, ради бога! Боб, вы с Кармен хотите в нашу команду? Насколько я понимаю, мы вряд ли можем рассчитывать на возвращение. Следовательно, надо строить планы на будущее.

– Похоже, ты прав.

– Род всегда прав, – поддакнул Джимми. – А насчет планов на будущее... Боб, вы с Кармен играете в криббедж?

– Нет.

– Ничего. Я вас научу.

Глава 8

«Придется вам выбирать»

Решение о том, что надо подавать дымовой сигнал и дальше, чтобы собрать как можно больше людей, никто на голосование не ставил, оно оформилось и утвердилось само. Род хотел обсудить этот вопрос утром, но Джимми и Боб сами развели огонь, когда пошли вниз за водой, и он никому ничего не сказал. В тот день их разыскали еще две девушки.

Точно так же никто не заключал формальных договоров о партнерстве и никто не выбирал лидера группы: Род продолжал руководить, и Боб Бакстер без разговоров принял сложившееся положение. Сам Род был слишком занят и даже не думал об этом. Проблемы безопасности, размещения и продовольствия для растущей колонии просто не оставляли времени ни на что другое.

С прибытием Боба и Кармен запас мяса иссяк мгновенно, и уже на следующий день пришлось идти на охоту. Боб Бакстер предложил поучаствовать, но Род решил взять с собой, как обычно, Джекки.

– Ты сегодня отдыхай. Не разрешай Кармен наступать на больную ногу и не отпускай Джимми одного к костру. Он считает, что уже совсем выздоровел, но это не так.

– Я заметил.

Джекки и Род отправились на охоту и довольно быстро убили оленя. Однако Род добил его не сразу, и когда Жаклин подбежала помочь, бьющийся на земле раненый зверь ударил ее копытом в бок. Джекки уверяла, что все в порядке, но на следующее утро бок все еще болел, и Боб сказал, что у нее, возможно, сломано ребро.

Трое из прежнего состава группы оказались больны, а тем временем у них появилось два новых рта. Правда, один из них – большой и с постоянной улыбкой на губах – принадлежал Каролине Мшийени, и Род выбрал ее на роль нового помощника в охоте.

Джекки надулась. Она отвела Рода в сторону и прошептала:

– Зачем ты так? Я вполне способна охотиться. Бок у меня в порядке, почти не болит.

– Почти, говоришь? А знаешь, что это «почти» может подвести тебя в самый нужный момент? Я не хочу рисковать, Джекки.

Она еще раз взглянула на Каролину и надула губы, храня на лице упрямое выражение.

– Джекки, ты помнишь мой разговор насчет ревности? – принялся уговаривать ее Род. – Если ты будешь устраивать сцены, я просто тебя отшлепаю.

– Кишка тонка!

– Ничего, мне помогут. Однако послушай... Мы ведь партнеры?

– Мне так казалось, во всяком случае.

– Тогда води себя соответственно и не добавляй нам проблем.

Джекки пожала плечами:

– Ладно. Я и так все понимаю. Останусь дома.

– Это не все. Возьми мой старый бинт – он где-то здесь должен валяться, – и пусть Боб Бакстер замотает тебе ребра.

– Нет!

– Ну тогда Кармен. Они оба вроде как знахари. – Род повернулся к Каролине и громко спросил: – Ты уже готова?

– Ощетинилась и вся дрожу от возбуждения.

Род рассказал ей, как они с Джекки охотились, и объяснил, что от нее требуется. Первые два стада, что им попались, они прошли мимо: стада оказались смешанными. Мясо у старых самцов жесткое и не особенное вкусное, а пытаться убить кого-нибудь другого, кроме вожака-самца, просто опасно и потому глупо. Около полудня они отыскили стадо годовалых

животных, расположившихся против ветра от них, и разошлись в стороны. Род приготовился ждать, когда Каролина погонит добычу на него.

Ждал долго и уже начал нервничать, когда из зарослей бесшумно появилась Каролина и жестом позвала его за собой. Род снялся с места, хотя идти так же быстро и бесшумно, как она, ему удавалось с трудом. Вскоре Каролина остановилась, и, догнав ее, Род увидел, что она уже свалила оленя. Глядя на поверженное животное, Род пытался побороть в себе растущее раздражение.

– Очень молодой, и мясо, я думаю, нежное, – сказала Каролина. – Устраивает, Род?

Он кивнул:

– Лучше не бывает. И сразу наповал... Кэрол!..

– Что?

– Я думаю, у тебя это получается даже лучше, чем у меня.

– Брось. Мне просто повезло. – Она застенчиво улыбнулась.

– Я не верю в везение. Так что, когда ты захочешь повести охоту, просто скажи. Но только обязательно.

Каролина заметила мрачное выражение его лица и медленно произнесла:

– Ты, я чувствую, решил меня отчитать...

– Можно сказать и так. Но я настаиваю, чтобы ты всегда предупреждала меня, когда захочешь повести охоту. Никогда не меняй планов уже после того, как мы приступим к делу. Никогда. Понятно?

– В чем дело, Род? Ты завелся оттого, что я убила оленя? Это глупо.

Род вздохнул:

– Может быть. А может быть, мне не нравится, когда девушка делает за меня мою работу. Но в одном я уверен на все сто: мне не нравится напарник, на которого я не могу положиться до конца. Слишком опасно. Я лучше буду охотиться один.

– Может, лучше я буду охотиться одна? Мне, во всяком случае, не нужна ничья помощь.

– Не сомневаюсь. Ну ладно, давай оставим эту тему и оттащим добычу в лагерь.

Пока они свежевали тушу, Каролина не проронила ни слова. А когда они срезали все лишнее и уже собрались тащить мясо к пещере, Род сказал:

– Ты иди впереди. Я буду прикрывать сзади.

– Род?

– Что?

– Извини.

– А? Забудь.

– Я не стану так больше делать. Хочешь, я скажу, что это ты убил оленя?

Род остановился и тронул ее за руку:

– Зачем вообще кому-то что-то говорить? Никого не касается, как мы охотимся, до тех пор, пока мы приносим мясо.

– Ты все еще сердись на меня.

– Я вовсе не сердился, – солгал Род. – Просто не хочу, чтобы мы перебежали друг другу дорогу.

– Родди, я никогда больше этого не сделаю. Обещаю.

До конца недели девушки оставались в большинстве. В пещере, где троим было удобно, а шестерым, в общем-то, еще терпимо, стало просто тесно, потому что день ото дня население лагеря росло. Род решил превратить пещеру в «женское общежитие», а мужчин переместить на открытый воздух, на луг, где начиналась тропа вверх по наклонному сланцевому берегу. От непогоды и хищников там укрыться было негде, но зато их бивуак защищал единственную тропу к пещере. Впрочем, погода стояла теплая, а для защиты от хищников

они ставили на ночь дежурных, в чьи обязанности входило поддерживать два костра – между рекой и скалой выше по течению и в узком проходе ниже.

Роду самому такой порядок не нравился, но выбирать не приходилось. Он отправил Боба Бакстера и Роя Килроя вниз по течению, а Каролину и Марджери Чан в противоположном направлении, чтобы они искали другие пещеры. Но за отпущенный им на поиски день они ничего не нашли. Девушки, однако, привели с собой еще одного человека.

Спустя неделю после того, как они вывесили рубашку Джима в качестве флага, прибыла еще группа из четырех парней. Теперь их стало двадцать пять, и парней оказалось больше, чем девушек. Впрочем, к четверым новеньким скорее подходило слово «мужчины», поскольку все они были на два-три года старше. Три из четырех групп, оказавшихся в зоне проверки на выживание, состояли из выпускников средних школ, но четвертая, куда входили новенькие, была из Теллерского университета, с отделения наук Внеземелья.

«Взрослый» – понятие довольно расплывчатое. Разные культуры относятся к этому понятию по-разному: у одних человек считается взрослым аж с одиннадцати лет, у других только после тридцати пяти, третьи же вообще не признают никакого возраста до тех пор, пока жив родитель. Род и не думал о вновь прибывших как о «старших». В лагере уже было несколько человек из Теллерского университета, но он вряд ли бы сказал с уверенностью, кто именно: они полностью вписались в их маленькое сообщество. Клубок проблем рос как снежный ком, и просто не хватало времени, чтобы беспокоиться еще и о том, кто чем занимался на далекой Земле.

Эти четверо – мускулистый и очень подвижный Джок Макгован, его младший брат Брюс, Чед Амес и Дик Берк – появились ближе к вечеру, и Род не успел толком с ними познакомиться. Утром тоже не удалось, поскольку совершенно неожиданно прибыли еще четыре девушки и пятеро парней, и административные проблемы выросли до необъятных размеров. Места в пещере для вновь прибывших девушек уже не осталось, и нужно было срочно искать или строить новые жилища.

Род подошел к четверым парням, разлегшимся у костра, присел на корточки и спросил: – Кто-нибудь из вас понимает что-нибудь в строительстве?

Вопрос был задан всем, но они ждали, когда ответит Джок Макгован.

– Кое-что понимаем, – признался тот. – При желании я, пожалуй, сумею построить все, что захочу.

– Ничего сложного я не планирую, – объяснил Род. – Только каменные стены. Ты когда-нибудь кладку делал?

– Спрашиваешь! А что?

– Идея, в общем, такая. Нам нужно срочно решать вопрос с жильем, а то людей уже – не протолкнешься. Но первым делом надо поставить стену от скалы до реки и отгородить часть луга. Позже мы построим хижины, но сначала нужен крааль, чтобы защититься от хищников.

Макгован рассмеялся:

– Ничего себе стену ты задумал! А тебе не приходилось видеть эту тварь, похожую на вытянутую пуму? Ты даже пикнуть не успеешь, а она уже перемахнет через любую стену.

– Про них я знаю, – согласился Род, потирая длинные белые шрамы на руке, – и большой любви к ним тоже не испытываю. Они, скорее всего, и в самом деле могут перебраться через любую стену, но мы приготовим им сюрприз... – Он взял сухой прут и принялся чертить на земле. – Здесь мы строим стену... Доводим ее до сих пор... А внутри метров на шесть в глубину ставим заостренные сверху колья. Любая тварь, которая перемахнет через стену, сразу распорет себе брюхо.

Джок Макгован взглянул на схему и сказал:

– По-моему, все это ерунда.

– Да, глупо, – согласился его брат.

Род покраснел, но все же спросил:

– А что, есть идеи получше?

– Это к делу не относится.

– Тогда, если никто не придумает ничего лучше, – медленно произнес Род, – или если мы не найдем хорошую большую пещеру, нужно укреплять это поселение. А значит, надо строить стену. Я собирался отправить девушек заготавливать острые колья. Все остальные займутся стеной. Если взяться как следует, мы еще до темноты многое успеем. Вы четверо хотите работать вместе? Одна группа будет собирать камни, другая копать глину и месить раствор. Выбирайте.

Трое снова посмотрели на своего вожака. Джок Макгован откинулся на спину и заложил руки за голову:

– Извини. У меня сегодня охота.

Род почувствовал, что краснеет.

– Сегодня в этом нет необходимости, – сказал он осторожно.

– А тебя никто не спрашивает, сопляк.

Внутри у Рода, как на охоте, все сжалось в тугий холодный узел. Краем глаза он заметил, что вокруг них уже собралась толпа, и старательно ровным тоном сказал:

– Возможно, я ошибся. Я...

– Ошибся.

– Мне показалось, вы четверо решили объединиться с нами. Так что?

– Может быть. А может быть, и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.